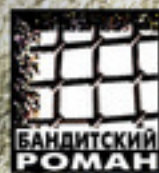

СЕРГЕЙ
ДОНСКОЙ

ПРАВИЛЬНЫЙ
ПАЦАН

ЭКСМО

Сергей Донской

Правильный пацан

«Автор»

2002

Донской С. Г.

Правильный пацан / С. Г. Донской — «Автор», 2002

Повезло так повезло: Серега Леднев нарвался сразу и на московских аферистов-отморозков, и на чеченских террористов, и на ФСБ, и на бритоголовых скинхедов. Всем им подавай Серегу, все они жаждут его крови. А он один, крови у него на всех не хватит, и так немало ее пролил в Чечне. И все из-за проклятой барсетки, которую Серега подобрал в переходе на Арбате и где оказались ну очень секретные документы. Вот тут-то дело повернулось круче, чем нож в боку: от фээсбэшников уходи, а попутно дави разных придурков. Но все когда-нибудь да кончается: руки вверх, Серега! Руки поднять, конечно, можно, но только это еще не конец, господи. Серега позаботился...

© Донской С. Г., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	8
3	13
4	16
Глава 2	18
1	18
2	21
Глава 3	24
1	24
2	28
3	33
4	36
Глава 4	41
1	41
2	44
3	45
4	47
Глава 5	50
1	50
2	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Донской

Правильный пацан

Глава 1

Кто ищет, тот всегда найдет

1

Она терпеливо ждала своего часа.

Внушительная на вид – около метра в обхвате. Довольно высокая – сто восемьдесят два с половиной сантиметра. И раза в три тяжелее любой самой дородной женщины – без малого триста килограммов.

Ждала она не простого человеческого счастья, не большой любви и даже не начала латиноамериканского телесериала. У нее было иное предназначение. Взрывоопасное. Убийственное.

Это ведь была не женщина, а боеголовка, для которой существует только один критический день – первый, он же последний. Оттого она совершенно не боялась ни сырости, ни механических повреждений, ни резких перепадов температуры.

У нее не было яичников, которые можно застудить, постоянно рвущихся колгот и возрастных кризисов. Ее не пугали крупные неприятности и мелкие грызуны. Для того чтобы нормально функционировать в этом мире, ей не требовались прокладки, букетики цветов на 8 Марта и омолаживающие чудо-кремы.

Поверхность ее конусообразного корпуса была покрыта металлокерамическими чешуйками, способными выдержать и адский холод открытого космоса, и метеоритный град, и чудовищный перегрев при прохождении сквозь плотные слои атмосферы. Боеголовка с честью выдержала все эти и многие другие испытания, но ее внутреннее устройство осталось неповрежденным.

А ведь минуло немало лет, с тех пор когда она рухнула с небес. Можно сказать, что сменились эпохи.

От потерпевшего аварию спутника СП-640А почти ничего не осталось, как и от Страны Советов, когда-то запустившей спутник на орбиту. Зато боеголовка уцелела и долго валялась в горах Северо-Западного Афганистана, где по ночам мороз достигает сорока градусов, а днем на раскаленных камнях можно жарить яичницу.

В этих диких местах на нее наткнулись воинственные пуштуны, сопровождавшие караван с опиумом. Заподозрив подвох со стороны неверных шурави, воины Аллаха долго расстреливали конусовидную штукюину из допотопных кремниевых ружей и модернизированных автоматов Калашникова, но пули – и просто свинцовые, и стальные, с латунными сердечниками – так и не смогли пробить сверхпрочное покрытие боеголовки. Не причинили ей вреда и заложенные под ее основание противопехотные мины. Тогда пуштуны потеряли всяческий интерес к находке и вспомнили о ней, не раньше чем узнали о существовании ядерного оружия. Это произошло уже в начале просвещенного двадцать первого века.

Щедрый покупатель, согласившийся выложить за боеголовку пятнадцать тысяч долларов США, доплатил пуштунам еще столько же – за переправку товара через территорию Туркмении, на побережье Каспийского моря.

Российские спецслужбы полупрезрительно именовали этого человека Хоттабычем. Араб по происхождению, он являлся одним из полевых командиров чеченских боевиков, а после известных событий сентября 2001 года разросся в глазах мировой общественности до масштабов полноценного международного террориста. Вообще-то с памятным крушением небоскребов в Нью-Йорке международных террористов на планете развелось как собак нерезаных, но далеко не каждый из них мог похвастаться тем, что в его распоряжении находится ядерное оружие. Хоттабыч мог. Но он предпочитал держать язык за зубами и действовать без лишней помпы. Коварный, опасный и беспощадный, как гюрза, он умел ждать своего часа молча.

Пока его боевики совершали рейд по соседнему Дагестану, боеголовка сначала благополучно пересекла море на борту дырявой рыбацкой шхуны, а затем двинулась по суше – в фургоне армейского грузовика, на бортах которого сквозь краску проступали желтые американские звезды.

Устройство ядерного заряда было столь же простым и безотказным, как этот отвлекающий маневр, предпринятый людьми Хоттабыча. Поскольку боеголовка должна была провести на околоземной орбите не менее полувека, советские инженеры позаботились о ее надежности и долговечности. Были задействованы самые примитивные и надежные технологии, не способные отказать даже в сильно экстремальных условиях. Они и не отказали. Ни в космическом вакууме, ни во время транспортировки по горной местности с почти лунным ландшафтом, когда боеголовку порой не только волочили, но и перекатывали, как самую обыкновенную бочку. А ведь ее убойная сила составляла ни много ни мало – сто пятьдесят килотонн. Этого было достаточно, чтобы превратить в прах и пепел все живое, что находится в радиусе семи километров.

Начинкой боеголовки служил уран-235, которого по рецепту полагалось ровно двадцать килограммов. Поначалу создатели намеревались использовать плутоний, но потом отказались от этой заманчивой идеи, поскольку уран был гораздо надежнее и не требовал периодической очистки. Ядро системы было разделено на шесть равных долей, проложенных многослойными пластинами из свинца, платины и оксида титана. Этот урановый сердечник окружали пирамидальные блоки взрывчатого вещества, готового отреагировать на горение миллионами ньютонов на каждый квадратный сантиметр окружающей сферы. Оболочка была сконструирована из трехсантиметрового листа бериллия. После начала ядерной реакции она в течение 0,00014 секунды отражала нейтроны, а затем испарившийся бериллий превращался в пшик, и огненный шар вырывался наружу: «плофффф!»

В какой точке земного шара? Когда именно? По чьей воле? Головастые конструкторы об этом не задумывались. Как и о том, что однажды изготовленный ими заряд колоссальной мощности попадет в руки чеченских боевиков. Ведь боеголовка создавалась в бытность СССР, когда никаких независимых республик не существовало, а цели большой сплоченной семьи народов определялись родной партией. В том числе и наземные цели поражения. Полностью полагаясь на дальновидную мудрость своих партийных вождей, конструкторы не позаботились ни о системе самоуничтожения боеголовки, ни о радиомаяках, которые могли бы помочь ее обнаружить. Более того, в схеме управления напрочь отсутствовала блокировка внешней команды на подрыв ядерного заряда.

Как только боеголовка была доставлена в центр Грозного и надежно спрятана среди руин разрушенного хлебозавода, Хоттабыч поручил двум религиозным фанатикам разрезать бериллиевую сферу и попытаться замкнуть все провода и реле, которые они обнаружат внутри корпуса. Его расчет был прост: разнести в клочья несколько тысяч мирных жителей республики Ичкерии, а ответственность за взрыв возложить на Россию, дабы раз и навсегда лишить ее поддержки мировой общественности.

Ничего из этой затеи не вышло.

Оба исламских камикадзе получили почти смертельную дозу радиации, но ожидаемого взрыва так и не произошло. Все дело было в криотронных переключателях, подсоединенных к командной плате посредством световодов. Сначала нужно было отключить их трехкратное дублирование или переориентировать заряд на взрыв с внешнего пульта. Люди Хоттабыча умели многое – вырывать языки женам предателей, вешать пленных на собственных кишках и мастерить растяжки на пути следования автоколонн Красного Креста, но превратить Грозный в сплошную мертвую зону у них с наскока не получилось.

Пришлось Хоттабычу обратить свой орлиный взор в направлении Москвы, где он когда-то обучался на историко-филологическом факультете Университета дружбы народов. Нет, он даже не мечтал о том, чтобы устроить взрыв в ненавистой российской столице, потому что доставка туда ядерной боеголовки выглядела затеей совершенно фантастической. Но в Москве обитала многочисленная чеченская диаспора, через которую можно было раздобыть ключик к ядерному заряду типа «АУ/С-10». На нее-то и вышел Хоттабыч.

В диаспоре отнеслись к просьбе героя мусульманского мира с пониманием. Пообещали навести справки и навели. Как выяснилось, вся соответствующая техническая документация хранилась в архиве Министерства обороны, учреждении, порядком захиревшем за годы беспредельной демократии. Обитавшие там штабные крысы делились на два вида – двуногих и четвероногих.

Последним было без разницы – развитый социализм на дворе стоит или же капитализм. У них не имелось званий, чинов и правительственных наград. Зато зубы, когти и хвосты у них были в полном порядке, чутье, слух и зрение функционировали безотказно, желудки с одинаковым успехом переваривали как остатки праздничных застолий, так и пыльные ворохи бумаги – прямо вместе со скрепками.

Двуногим обитателям архива, тем, которые обходились без хвостов, приходилось значительно хуже. Штабисты, вконец измученные рыночной экономикой, были готовы торговать государственными секретами так же бойко, как – после ухода в отставку – горячими пирожками, паленой водкой или порнокассетами.

Очень уж скучно жилось в последнее время министерским воякам, очень уж безрадостно. Зарплаты – с гулькин нос, форменная одежда и отпуска – за свой счет, все остальное – как повезет. А им хотелось всего того же, о чем мечтают штатские – денег, роскошных женщин, дорогих автомобилей, возможности всегда носить свежие сорочки или хотя бы носки. Нашелся среди этой обделенной судьбой публики некий прапорщик, взявшийся отснять необходимую документацию за три тысячи долларов. Он только уточнил деловито: «американских?» – и, получив утвердительный ответ, кивнул в знак согласия.

Так Хоттабыч, не выдернув ни единого волоска из своей замечательной бороды, вплотную приблизился к намеченной цели.

В Москву был отряжен его ближайший соратник, уроженец Сирии Кабир Хаким, по одному из паспортов – гражданин Ичкерии Азлат Салманов, носящий модный статус беженца. Осталось только дожидаться его возвращения, чтобы разобраться в раздобытой им схеме и исполнить задуманное. Таковы были ближайшие планы Хоттабыча. А значит – и всевышнего Аллаха.

2

О нелегкой женской доле в русской литературе сказано более чем достаточно. А мужчины? Ведь мало кому из них удастся прожить в этом мире, не испытав хотя бы раз мучительнейшего похмелья. Это, конечно, не по Некрасову в поле рожать, но похмельный синдром, он тоже, знаете, не сахар. Беспощадный, как кариес, неотвратимый, как рок, национальный недуг каждого находит в свой час, и тогда спуску не жди. Так скрутит, что впредь навсегда заречешься перебирать лишку. Некоторые, собственно говоря, всю жизнь этим только и занимаются – ночью пьют, утром зарекаются.

Одни на следующий день так выкручиваются, другие – эдак, а прапорщик Бородуля старлся относиться к похмелью философски. Да, признавался он в частных беседах с сослуживцами, головка бо-бо, в глазах наблюдается неприятное мельтешение, а в ушах не смолкает трансформаторный гул. Но!.. (Тут, если собутельники еще были в состоянии внимать умным речам, Бородуля обязательно поднимал указательный палец, мол, дальше будет сказано самое важное.) Во всем нужно уметь находить положительные стороны, вещал он. Не испытывай жажды, не оценишь по достоинству вкус родниковой водицы. Не продрогнув как следует, не насладишься теплом. И лишь пережив мучительное похмелье, понимаешь, что это за счастье – поправить здоровье испытанным народным способом.

– Уф-ф, – с облегчением произнес Бородуля, протиснувшись на свое традиционное место за кухонным столом. – Теперь и подлечиться не грех, верно, Маруська?

Обращался он как бы к необычайно пушистой кошке, отиравшейся у плиты, а сам косился на супругу Катерину, чье слово в доме было решающим. Подобно Маруське, она казалась полностью сосредоточенной на процессе жарки котлет, однако принесенная Бородулей бутылка не осталась ею незамеченной, он в этом не сомневался, а потому был начеку. В переговорах с женой нельзя было допускать ни одной тактической ошибки. Иначе не свежую котлетку на закуску получишь, а внезапный удар раскаленной сковородой по темечку. Прецеденты были. Давненько, но разве новое – это не хорошо забытое старое?

– Ты что же, опять водку жрать собираешься? – осведомилась Катерина. – Вчерашнего тебе мало, живоглот проклятый?

Тон тусклый, почти равнодушный. А спина под махровым халатом напряжена, как у борца перед схваткой.

– Зачем, хэх, водку? – прикинулся простачком Бородуля. – Сегодня коньяк пьем, мать. Всамделишный, а не какой-нибудь там фарши... фальши... фальсифицированный.

Последнее слово не удалось выговорить без запинки, поскольку Катерина уже отвернулась от плиты и смотрела на мужа тяжелым, немигающим взглядом, выдержать который сумел бы далеко не каждый.

– Коньяк, значит, – протянула она с не сулящей ничего хорошего интонацией. – Дорогой, наверное?

– Да уж не из дешевых, – подтвердил Бородуля, внимательно следя за руками супруги, сжатыми в кулаки. Пока что они просто упирались в бока, но терять бдительность нельзя было ни на секунду. Своими увесистыми кулаками Катерина умела размахивать так ловко, что потом без примочек не обойдешься.

– Зарплату получил, что ли? – она шагнула вперед. Звякнула посуда в навесном шкафчике над мойкой. Кошка Маруська задрала хвост трубой, попятилась, готовая пулей вылететь из кухни.

– Нет, – покаялся Бородуля, которому из закутка между столом и холодильником отступать было некуда. – У нас с финансами сейчас напряг, ты же знаешь.

– Угу, напряг. – Катерина кивнула, после чего ее голова так и осталась нацеленной на супруга. – Денег, значит, не получил, а на коньяк расщедрился, сволочь такая. С каких таких шишей, интересно знать?

– А вот с таких! – Прапорщик небрежно извлек из кармана стопку долларов и швырнул ее на стол.

Пятерня супруги, находившаяся в опасной близости от бутылочного горлышка, зависла в воздухе.

– Это что? – недоверчиво спросила она.

– Да уж не фантики, хэх. Ставь-ка стопарики на стол, мать. Отметим это дело.

– Сколько здесь? – Катерина, уставившаяся на деньги, выглядела прямо-таки заворуженной.

Как та доверчивая простушка с перманентными кудряшками, которой Бородуля когда-то предложил кочевую жизнь офицерской жены, полную райских наслаждений.

– Стандарт. – Он шелкнул пальцем по бутылке и пожал плечами. – Пол-литра.

– Я о деньгах спрашиваю, – перебила его Катерина, впрочем, без особого раздражения в голосе. На ее разгладившемся лбу сделалась одной морщинкой меньше.

– Тут полторы тысячи баксов, – небрежно доложил Бородуля. – И весь х... – он кашлянул, – и весь хрен до копейки.

– А в рублях это сколько будет?

– А в рублях это будет... это будет... Слушай, мать, я тебе калькулятор или кто? Почти сорок пять тыщ...

Катерина уважительно покачала головой.

– Ну ты даешь!

– Да уж лыка не вяжем! – приосанился Бородуля. Задумался. Поправился: – То есть, как говорится, не шиты мы им, хэх, лыком. Полторы тысячи долларов – это тебе, мать, не семечки.

О том, что за техническую документацию по «АУ/С-10» ему заплатили ровно в два раза больше, распространяться прапорщик не собирался. Что за мужик без заначки? Так, ходячее недоразумение в штанах. Да и без штанов тоже. Ни проститутку снять, ни порядочную женщину в ресторане подпоить.

Только и остается, что баб в общественном транспорте рассматривать да облизываться, несолоно хлебавши. А Бородуле надоело облизываться. Он был еще, что называется, мужик в соку, с неудовлетворенными сексуальными фантазиями. Среди них самая главная – разложить на письменном столе младшего лейтенанта Светлану Переяславскую, которая на доклад к начальству без всего под форменной юбкой ходит.

Предвкушая скорое исполнение своей заветной мечты, Бородуля шкодливо усмехнулся и попытался запустить руку под халат Катерины. Хотя она отпрыгнула как ужаленная, настроение у него не испортилось ни капельки. Душа прапорщика пела. Он сделал дело и собирался гулять смело.

Тошная стопка из нескольких страниц машинописного текста была скопирована не в архиве Министерства обороны, а на стороне, за что Бородуле пришлось выложить двенадцать рубликов из собственного кармана. Не то чтобы он опасался слежки со стороны военной контрразведки, но береженого бог бережет. В настоящий момент папка с затребованной документацией опять находилась на своем родном стеллаже, так что все осталось шито-крыто. Не пожелавший представиться покупатель растворился среди миллионов гостей столицы, вручив Бородуле не только деньги, но и дополнительный приз – бутылку отличного коньяка с нерусской вязью на этикетке. Что-нибудь кавказское, решил прапорщик, оценив внешность смуглого незнакомца и его напутственное пожелание, произнесенное с характерным южным акцентом.

Выпей за удачу, дорогой, да.

Именно это Бородуле теперь не терпелось сделать – выпить. Хотя за удачу, хоть за любовь, а то хоть и вовсе за какого-нибудь черта лысого, шайтана нерусского. Лишь бы поскорее да побольше.

– Посуду подавай, мать, – напомнил он супруге, потирая ладони. – И закуску на стол мечи. Устал я. Расслабиться нужно.

– Разве кто против, раз такое дело?

Доллары исчезли в кармане Катериного халата, а вместо них на столе возникли два пузатых стаканчика дымчатого чешского стекла, празднично сверкающих в свете лампы под абажуром. В кухне сразу сделалось удивительно светло и уютно.

– Чем молодежь занимается? – развязно осведомился Бородуля. – Все тусуется небось, вместо того чтобы уроки учить? – Речь его сделалась не слишком внятной, поскольку он уже подцепил зубами коньячную пробку и, помаленьку раскачивая ее, тянул на себя.

По лицу Катерины скользнула легкая тень недовольства, однако она тут же улыбнулась:

– Люська у подружки «космосы-политены» смотрит, а Витяшка в компьютерном клубе пропадает, как обычно.

– То-то и оно, что как обычно! – туманно высказался Бородуля. – Разболтались они у тебя, мать. Нет чтобы по хозяйству помочь или еще чего-нибудь полезного совершить. – Он оторвался от бутылочной пробки и крикнул: – Эх, гляжу я на нынешнее поколение и диву даюсь: ни целей серьезных, ни мечты настоящей. Так, сплошной сквозняк в голове... Взять, к примеру, хотя бы Светку Переяславскую из седьмого отдела...

– Что еще за Светка? – насторожилась Катерина.

– Да так, – отмахнулся Бородуля. – Дубина стоеросовая, хоть и при погонах. На уме одни мужики да шмотки. Никаких идеалов.

– Молодая? – Катерина все побочные разглагольствования мужа пропустила мимо ушей, сосредоточившись на главном.

Бородуля пренебрежительно отмахнулся:

– Да ну ее, дуру хромоногую. Я ее просто так упомянул. В качестве наглядного, хэх, примера.

– Хромоногая, говоришь? – Пасмурное выражение Катериного лица сменилось нейтральным, но подозрительный следовательский огонек в глазах угас не до конца. – Хромоногая – в армии? – уточнила она.

– Так у нас при штабе строевую подготовку проходить не обязательно, – пояснил Бородуля. – Каждый ходит, как может. Демократия.

Живо представив себе, как выглядит младший лейтенант Переяславская без своей форменной юбки, он опять впился зубами в пробку, на этот раз с неподдельным остервенением.

В принципе такая откровенная тяга к спиртному в этом доме не поощрялась, но сегодня Бородуля чувствовал себя не кем-то там сбоку припека, а полноценным добытчиком. Нынче ему было позволено все. Или почти все.

– Что там у нас с закуской? – строго осведомился он, мотая головой из стороны в сторону. По звучанию это напоминало ворчанье голодного пса, терзающего кость.

– Вот, котлетки как раз спели, горяченькие, – доложила Катерина, усаживаясь за стол с миской в руках. – Они, правда, говяжьи, – покачалась она, – но все равно вкусные, я в фарш салца добавила для сочности.

Шпок! Неподатливая пробка осталась в зубах Бородули. В ноздри шибануло едким коньячным запахом, перебившим котлетные ароматы. Ощущение праздника в душе возродилось с новой силой.

– Завтра пельмешей со свининкой сооруди, мать, – распорядился Бородуля, прицельно совмещая бутылочное горлышко с кромкой первого стаканчика.

Действо сопровождалось не слишком уверенным стеклянным цокотом, но закончилось благополучно.

– Мне половинку! – запоздало пискнула Катерина, увидев перед собой доверху наполненную емкость.

– Ничего нельзя делать наполовину. Нужно жить полной, хэх, жизнью, – процитировал Бородуля то ли какого-то классика, то ли просто спивающегося капитана Кудряшова, который ни одной попойки не начинал без этой присказки.

Вчера Кудряшов изрек любимую фразу трижды, после чего надолго умолк и очнулся за своим письменным столом лишь к началу нового рабочего дня. Прапорщик Бородуля такое поведение не одобрял. Лично он всегда приходил ночевать домой, даже если ожидала его там не нагретая женой постель, а истертый коврик в прихожей. Мужчина должен оставаться мужчиной при любых обстоятельствах.

– Выпьем, – предложил Бородуля. Пока он подносил стопку ко рту, добрая четверть содержимого выплеснулась на его нетерпеливую руку, но подобные пустяки не могли остановить прапорщика. Его локоть по-гусарски выгнулся на уровне груди, мизинец лихо оттопырился, губы вытянулись вперед, спеша соприкоснуться с живительной влагой. – Выпьем, – истово повторил он.

Катерина следовать мужниному примеру не спешила, опасливо поглядывая на свой стаканчик, наполненный не то что до краев, а с выпуклой «горкой».

Бородуля же, шумно выдохнув, влил в себя коньяк да так и замер с открытым ртом, с выпученными до предела глазами:

– Хэх!

– Закуси-ка, – озабоченно предложила Катерина, накалывая на вилку подгоревшую с одного бока котлетку.

Муж не отреагировал. Стопка выпала из его разжавшихся пальцев и, чудом не разбившись, покатила по полу, вызвав живейший интерес кошки Маруськи.

– Закусывай, говорю! – Добродушия в Катеринином голосе осталась самая малость. – Не фиг было коньяк натошак хлестать!

Не обращая внимания на поднесенную к самому носу котлету, Бородуля прохрипел загадочное: «гыгагу» и остался сидеть в прежней позе, но уже с совершенно побуревшим лицом, на котором резко выделялись белки полужакавшихся глаз.

– Только блевани мне здесь, только блевани! – взвизгнула Катерина, заметив пену, выступившую на губах мужа. Пришло вдруг в голову, что в доме уже третий месяц не работает стиральная машинка, а починить ее, как обычно, некому. И еще много всякого разного припомнилось, отчего Катерине захотелось запихнуть котлету в зияющую напротив глотку прямо вместе с вилкой. – В сортир беги, скот такой! – рявкнула она. – Скорее! У-у, ирод проклятый!..

– Зря, – просипел Бородуля, даже не попытавшись приподняться с табурета. – Всё.

– Что ты мне тут белькочешь, худобище поганое? Что «всё»?

– Всё, – повторил муж с потусторонней убежденностью в голосе.

На его висках набрякли фиолетовые вены. Из ноздрей проступили капельки крови. Потом голова Бородули с размаху обрушилась на стол, опрокинув початую бутылку и перевернув миску с котлетами. Аппетитные, еще дымящиеся, они посыпались на пол, приведя кошку в состояние неопишуемого восторга.

– Ты что же творишь, гадость такая! – прошептала обмершая Катерина, откуда-то зная, что муж уже не ответит. Никогда.

Моноotonно булькала коньячная струя, выплескиваясь из бутылки на стол, а оттуда выливаясь на забрызганный жиром линолеум. Азартно чавкала кошка Маруська. Все громче и громче подвывала Катерина, продолжая сжимать в кулаке вилку с никому уже не нужной котлеткой.

А за окном по-прежнему благоухал майский вечер, верещала детвора, в московских окнах зажигался негасимый свет.

Жизнь продолжалась. Как, впрочем, и смерть.

3

Глаза у Кабира Хакима были как две мокрицы, влажно блестящие на солнце. Этими непроницаемо-черными глазами он провожал взглядом приметную девичью попку, едва уместающуюся в шортах, и размышлял, что, как и куда конкретно он запихнул бы этой сучке между ног, попадись она ему в горах.

Автоматный ствол, собственный член, а под конец – гранату «Ф-1» с вытащенной чекой.

Именно эти предметы и именно в такой последовательности, никак иначе. Удовольствие должно возрастать постепенно, только тогда им наслаждаешься в полной мере. Тем более что удачные взрывы порождали в Кабуре состояние, превосходящее по остроте любой оргазм. Разложи перед ним самую пышную блондинку, но лиши его при этом гранаты, и ощущение восторга оказалось бы не полным. Собственно говоря, восторга могло не возникнуть и вовсе. Устоявшиеся привычки, они порой играют с мужчинами скверные шутки.

Одна из дюжины подпольных кличек Кабира переводилась с арабского языка примерно как «Воспламеняющий». А чеченские боевики звали его за глаза Бешеным, что было даже немного ближе к истине. Его любимое развлечение представляло собой азиатский вариант «русской рулетки». Всякий раз, когда у Кабира выдавалась свободная минутка, он принимался жонглировать двумя гранатами с разогнутыми и наполовину вытащенными чеками. В тот момент, когда чека одной из «лимонок» выскакивала окончательно, Кабир успевал поймать обе гранаты, на ощупь определить взведенную и зашвырнуть ее подальше: Аллах акбар!

Поразительная реакция, учитывая то, что замедлитель горел не дольше четырех секунд. Но представления Кабира не пользовались популярностью у соратников по джихаду, особенно после того как одного из них контузило взрывом. Хаттаб тогда во всеуслышание назвал соплеменника «зубб-эль-хамиром» – «ослиным членом» – и запретил ему жонглировать гранатами в расположении отряда.

С тех пор единственными зрительницами Кабира сделались женщины, изловленные близ своих селений, а правила его игры в корне изменились. Отныне главным было не забросить гранату подальше, а запихнуть ее поглубже. Сам же Кабир должен был успеть отпрыгнуть от оглушенной жертвы подальше и вовремя скатиться под откос или упасть ничком за каменную гряду. Так он и делал, чтобы потом вновь и вновь с упоением слушать, как шуршат вокруг раскаленные осколки металла да шлепаются ошметки живой плоти. «Никуммак, – восхищенно орал в такие моменты Кабир, – ай, никуммак, акзывы сыким!»

И сейчас, пожирая глазами удаляющуюся задницу бесстыжей московской сучки, он пробормотал вполголоса приблизительно то же самое, но по-русски:

– Твою мать...

Никто этого не услышал, никто не обратил внимания на смуглого, жилистого мужчину с внешностью осетина, дагестанца или афганца – кто их разберет? Таких в столице за последние годы развелось как воронья, все сплошь чернявые, прожорливые, вездесущие, неистребимые. То гортанно гыркают по-своему, то зыркают исподлобья, как будто загодя прикидывают, что сотворят с тобой, когда Москва окажется захваченной ими полностью. Ходоки да беженцы, которым почему-то на Руси жить вольготнее, чем законным гражданам. Россияне их сторонятся. Ну их к лешему, абреков с чучмеками! И бочком, бочком – от греха подальше. Авось сами куда-нибудь денутся.

В жилах Кабира не текло ни единой капли кавказской крови, но славян он ненавидел еще более лютой ненавистью, чем самый заправский горец. А опаска, с которой москвичи и приезжие обходили его, стоящего прямо посреди Старого Арбата, наполняла Кабира чувством презрительного превосходства. Протянув руку, он поймал за локоть прохожего – парнишку в джинсовке и бесцеремонно осведомился:

– Сыколькокы вырэмены, э?

– Что-что?

Застигнутый врасплох парнишка попытался улыбнуться, отчего лицо его приобрело плаксивое выражение. Он спешил в расположенный рядом магазин «Meet the Records», где намеревался приобрести парочку раритетных дисков Джона Леннона. Он знал все сольные записи битла наперечет, а вот как вести себя с вконец обнаглевшими чужаками, не имел ни малейшего представления. На картинках в букваре, с которых для него начиналась родина, не было ни чеченцев, ни арабов, ни одного.

– Я сыпрашиваю тэбя, сыколькокы вырэмены, – повторил Кабир, после чего сплюнул чуть левее кроссовки собеседника и глумливо поинтересовался: – Русскы аны знаыш савысэм?

– А, понял, – обрадовался юный битломан, – вас время интересует? Сейчас двадцать минут шестого.

– Коран читал? – поинтересовался Кабир, вместо того чтобы поблагодарить парнишку и отпустить его с богом.

Тот покосился на пергаментную руку, продолжавшую держать его за локоть, и сделал новую попытку улыбнуться, на этот раз более удачную:

– Немножко. Но я знаю, например, что ваш Иса и наш Иисус – это одно и то же.

– Ничего ты не знаешь, безмозглый гяур. – Кабир все же плюнул на кроссовку парнишки и попал. – Третья сура гласит: «Неверных надо убивать, а все их достояние, жилище и земля переходят к убийцам, даже если нога последних никогда не ступала на эту землю». Понял, ослиная твоя башка?

Все это было произнесено с чудовищным акцентом, плохо поддающимся осмыслению, так что перепуганному парнишке осталось лишь кивнуть наугад:

– Понял. Я пойду, ладно? Меня ждут.

Для убедительности он показал пальцем на вход в музыкальный магазин с фанерным Ленноном у порога.

– Цх! – Отпустив юнца, трясущегося, как овечий курдюк, Кабир зашагал прочь.

До отхода поезда оставалось почти два часа, но без толку шляться по городу он не соби-
рался, нечего ему было тут больше делать. Бензиновая гарь, толпы людей, бесстыдно оголив-
шиеся шлюхи, которых на виду у всех пальцем не тронь. Нет, Москва Кабиру не нравилась,
ему здесь было, как волку в клетке. Он спешил туда, где жизнь имела специфический запах
крови, оружейной смазки и пороха, а не духов с лосьонами.

Поручение Хаттаба оказалось проще простого. Прапорщик с дурацкой фамилией Боро-
дуля документы Кабиру отдал, деньги от него получил, а в придачу к ним – бутылку отравлен-
ного коньяка, который уже, наверное, успел вылакать. Подвигом это, конечно, не являлось, но
все же Кабир сделал полезное дело, которое ему на том свете обязательно зачтется. Не зря ведь
пророк сказал: «Всех, кто не идет путем Аллаха, надо убивать, как собак, пока не останется
никакой другой религии, кроме ислама». Насчет способов убийства неверных Магомет ничего
определенного не говорил, и это оставляло для его фанатичных приверженцев самый богатый
простор для фантазии.

Кабир, не имевший возможности использовать посреди Москвы гранату, избрал яд и
надеялся, что продажный прапорщик не в одиночку отравился, а угостил дармовым коньяком
еще хотя бы парочку русаков, что увеличивало заслуги Кабира перед Аллахом.

Русские собаки все одинаковы, привычно размышлял он, приближаясь к подземному
переходу, за которым находилась нужная ему станция метро. Им лишь бы водкой по самые
глаза залиться, а там хоть трава не расти. Что касается Кабира, то он суток не мог прожить
без травы, поскольку, подобно своим предкам-хашишинам, предпочитал добрую затяжку дур-

маном – глотку любого, самого лучшего пойла. И теперь, лишенный возможности покурить гашиша, он нервничал все сильнее и сильнее, обильно потея от подмышек до ступней.

В трусах, которые Кабир менял не чаще трех раз в год, когда мылся, нестерпимо свербело и чесалось.

Эх, думал он, скорее бы сесть в свой поезд Москва—Нальчик, из тамбуров которого не успевает выветриваться душистый конопляный туман. Дело сделано, не грех и расслабиться.

Кабир машинально погладил барсетку, в которой хранились двенадцать страниц машинописного текста и собственноручно начерченный план хлебозавода. Какой-нибудь русский ишак скорее всего пометил бы на нем тайник стрелочкой, приписав сверху: «БАЫГАЛОВКА», но потомок арабских хашишинов был не настолько туп. Он обозначил боеголовку старательным изображением черепа со скрещенными под ним костями и полагал, что ему не страшны никакие проверки в пути.

В своей наивности Кабир порой был сродни пятилетнему ребенку. Дикарь с детским разумом и натурой самого жестокого, самого свирепого, самого кровожадного хищника в природе.

Мирные граждане инстинктивно сторонились, пропуская мимо себя небритого черноволосого мужчину, косолапо спускающегося по ступеням перехода. На ходу он совал то одну, то другую руку в карманы штанов, то ли почесывая что-то внутри, то ли нащупывая.

«Трихомоноз», – предположил прохожий с высшим медицинским образованием.

«Ствол», – уверенно заключил муровец и, поскольку его рабочий день закончился, пошел по своим делам дальше.

Патрульные милиционеры, как обычно, скрывались неведомо где, появляясь на людях ближе к ночи, когда приходит время безнаказанно обирать пьяных да убогих. Может быть, их служба была не столь опасна и трудна, как пелось в любимой ими песне, но зато она определенно была «на первый взгляд как будто не видна». На второй и третий, впрочем, тоже. Во всяком случае, среди бела дня в самом центре столицы.

4

«Skin head» – это значит «кожаная голова». Следовательно, чтобы заделаться заправским скинхедом, надо перво-наперво обриться наголо. В придачу требуются молодость, физическое здоровье и лютая ненависть к инородцам. Если все это у тебя уже имеется от природы, остается обзавестись тяжеленными ботинками с тупыми носами, подкатать штанины джинсов сантиметров на пять и ознакомиться с главными идеологическими постулатами движения, изложенными в специальной брошюре. Все. Дальше тебе присваивают кличку, и ты уже не какой-нибудь там Гена Кукин из ПТУ № 243, а патриот родины, Кукиш. Или Мякиш. Или хоть бы даже сам Терминатор, если в голове маслица чуть поболее, чем у основной массы, а кулаки работают еще лучше мозгового аппарата.

По трое, по двое и даже по одному съезжались московские скинхеды к месту проведения очередной акции. Одни выходили на «Ленинке», другие – на станциях «Александровский сад», «Боровицкая» или «Арбатская», но все действовали с таким расчетом, чтобы, сгруппировавшись, ровно в 17.30 ввалиться с разных сторон в переход напротив «Златой Праги» и устроить там мини-погром, метеля кого ни попадя, но желательно все же носатых нелюдей с темными волосами и смуглой кожей. Таких, конечно, куда больше водилось на любом московском рынке, но главный идеолог движения, тридцатилетний уроженец Ярославля по кличке Майн Кампф рассудил на досуге, что о столичных скинхедах пора узнать широкой мировой общественности. А где еще ошивается широкая мировая общественность, как не на Старом Арбате, скупая матрешек, допотопные шинели и переходящие красные знамена из плюша? Короче говоря, место и время проведения акции было определено вождями, и теперь дело оставалось за рядовыми патриотами в подвернутых джинсах, произведенных, между прочим, не в родном отечестве, а в ненавистном зарубежье.

В половине шестого вечера орава скинхедов, общим числом семьдесят восемь здоровенных и не очень лбов, с ревом и улюлюканьем ринулась в переход, откуда застигнутым врасплах гражданам деваться было некуда.

«Га-а!.. Аля-улю!!.. Йахууу!!!»

Первым заработал по кумполу молодой блондин очень даже славянской внешности, но зато в следующую секунду чья-то дубинка очень удачно достала самую настоящую цыганку в цветастой юбке и шали. Заодно перепало всему ее сопливому потомству.

И понеслась!.. Замелькали кулаки и бутсы, посыпались на землю сувениры вперемешку с газетами, опрокинулись лотки, зазвенели стеклянные осколки, заметалось под низкими сводами эхо воинственных воплей и криков ужаса:

«Мочи всех, на хрен!..»

«У-у-уй! Не надо, мальчики!..»

«Вот тебе, черножопый!.. Вот!.. Вот!..»

«Не трогайте ребенка, ироды!.. Ребенка пожалейте!..»

«Аа-аааа-аа!..»

«Х-хек!.. Х-хух!..Х-хах!..»

Лясь! Лусь! Лызь!

Новообращенный скинхед Вася-Песец, орудуя сразу двумя свинчатками, умудрился за полминуты раскровенить пять подозрительных физиономий и теперь подбирался к шестой, пытающейся укрыться среди цветочных букетов. Костик Рамштайн с Бобром методично охаживали по ребрам сбитого с ног негритоса. Обдолбавшийся Варяг размахивал опасной бритвой, сатанея от того, что никак не получается располосовать кого-нибудь как следует. А Леший и Вервольф вплотную занялись противником с характерной щетинистой физиономией, кото-

рый не только не струсил во время неожиданного нападения, а даже пытался проявить свой воинственный характер.

– Акзывы сыким! – рявкнул он, за что немедленно получил от Вервольфа в ухо и отлетел прямо на Лешего, уже изготовившегося для прицельного пинка.

– Н-на!

Небритый согнулся пополам, хватая ртом воздух, а руками – пострадавшую мошонку.

– Н-на! – слегка запыхавшийся Леший ударил его по затылку сведенными в замок руками. – Дома сиди, чучмек! В сакле своей вонючей!

– Мам ваших я имел, щенки! – просипел гость столицы. – Весь род ваш поганый до десятого колена!..

– Ах так? – мгновенно рассвирепел Вервольф. – Ну-ка, Леха, подсоби!

– Чего? – оживился Леший.

– Делай как я, вот чего!

Повозившись немного вокруг вяло сопротивляющегося мужчины, парни подхватили его под руки и, разогнавшись как следует, дважды протаранили его головой кафельную стену пешеходного тоннеля.

Вторая пробежка, во время которой полуоглушенный мужчина уже не оказывал никакого сопротивления, вышла удачней.

Плитка и лобная кость хрустнули одновременно, породив сочное: «хрясь!» Ноги мужчины, которыми он только что кое-как перебирал, слепо подчиняясь двум парням, обмякли. Поверх настенного лозунга «ВЛАСТЬ НАРОДУ» осталась красная клякса, а мужчина сполз на пол, прижимая к животу пижонскую барсетку.

Его перевернули на спину, несколько раз пнули и оставили в покое, да только вряд ли он испытал от этого облегчение.

Кровь из разбитой головы мужчины заполняла его глазницы, а он, не мигая, глядел в потолок, на котором как раз ничего не происходило.

Все вокруг двигались, падали, вставали, бежали или как минимум вопили во всю глотку, а Кабир Хаким не принимал никакого участия в общем столпотворении. Его короткая миссия закончилась. И в Москве, и вообще в этом подлунном мире.

Глава 2

Птица-счастье завтрашнего дня

1

Вы спросите: какие такие заботы могут быть у уличного музыканта, если на улице весна, если прописка в порядке и пальцы целы, чтобы брать гитарные аккорды да перебирать струны, прислонившись спиной к стене подземного перехода.

На первый взгляд – никаких особых забот. Заливайся себе соловьем, «местовые» вовремя плати, с ментами не заводишь, ну и с водочкой поосторожней: не ужрись вусмерть на радостях по причине того, что пережил долгую-долгую зиму, а впереди тебя ожидает долгое-долгое лето.

Москва – она, конечно, не райские кущи, но в мае и здесь благодать. Иногда. Местами. Стоит лишь очутиться в нужное время в нужном месте – и лови свою синюю птицу удачи за хвост. Одни в лотерею постоянно выигрывают, вторые – собрав коллекцию счастливых крышечек или фантиков, бесплатно по заграницам разъезжают, третьи просто правильное пиво хлещут и потому отбою от противоположного пола не знают. Короче говоря, если ты, к примеру, Саша, то купи себе обнову в «Мире кожи» и радуйся. А если ты, наоборот, Даша, то тебе в «Снежную королеву» надо, там по весне на женские дубленки такие скидки, что закачаешься.

Ну, а погожим весенним вечером многие граждане и просто так улыбаются до ушей, без всякой видимой причины. Неужели, наконец, жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи?

Может, оно и так, да только не совсем. Во всяком случае, что касается Сереги Леднёва, двадцати девяти лет от роду.

Сухощавый шатен, рост – выше среднего, плечи прямые, зато нос слегка скособочен – это на память о первых днях службы в рядах доблестной и непобедимой. Серегу тогда хмельной «дед» носки простирнуть попросил, а он старослужащего на три нехорошие буквы послал, со всяческими уточнениями курса. Непорядок. «Дед» обиделся, других «дедов» кликнул, вот они нос Сереге и своротили, не считая всяких прочих повреждений различной тяжести – там кровоподтек, там гематома, здесь закрытый перелом, а здесь открытый. В армии это называется «упасть с лестницы». В соответствии со своей легендой, Серега так неудачно сверзился, что от ноябрьской присяги до самого Нового года в себя приходил, но сдюжил, выкарабкался.

Чужие носки стирать он так и не выучился, зато, пока в санчасти отлеживался, на гитаре брэнчать наловчился да песни орать:

Ты боли-боли-боли, голова,
Лишь была-была-была бы цела!
Нам разлука да не страшна,
Коль встреча да суждена!

Ох, товарищи, держите ж вы меня,
Я от радости займусь, как от огня,
Не осиной в сыром бору,
А соломою да на ветру! Юх!

В ту пору Серега голосовые связки до хрипа извел и не меньше десятка струн изорвал, но по-настоящему инструмент освоил позже, когда уже в ставропольском госпитале валялся с

половиной вырезанных кишок и контузией, от которой его на первых порах клинило чуть ли не ежедневно. С годами полегчало, хотя брюхо подводило постоянно – не казенное ведь. Брюхо Сереге под Аргуном покромсало минными осколками, если кому интересно. А самому Сереге от этого интереса было мало, он прошлое вспоминать не любил, на вопросы любопытствующих откликался коротко и очень неохотно:

– Чё на войне было? А сплошная жопа, куда ни ткнись. Бо-ольшущая такая. Как у всех наших генералов, вместе взятых.

Станут такого грубияна просить воспоминаниями делиться? Правильно, не станут.

Он ведь и послать по матушке может, Серега, если шибко достанут. И в зубы двинуть. У него брюхо и нервишки попорчены, а денег лечиться – нетути. Ему государство какую-то там пенсиюшку нерегулярно платит и делает вид, что никакого такого инвалида Сереги Леднева не существует в природе.

Он ведь, если разобраться, ничего такого геройского не совершил – просто побежал, куда было приказано, и напоролся на мину. Может, его отцы-командиры подорваться надоумили? Нет, ничего подобного. Тогда, может, кто-нибудь из столь ненавистных Сереге армейских генералов с птичьей фамилией типа Грачев или – бери выше – Лебедь? Опять нет. Что ж тогда на судьбу пенять, злоститься, молодость свою загубленную проклинать? Сам кругом виноват, на пару с помкомвзвода Гуляевым, который на коварную мину-лягушку наступил по запарке.

Гуляеву, правда, больше досталось – ему обе ноги оторвало, а остальное так покорежило, что пришлось потом всем взводом саперными лопатками собирать гвардии сержанта. Серегу же на носилки – и в лазарет, все чин чинарем. Заштопали, перебинтовали бесплатно, перловой кашей подкормили. Живи, парень, радуйся. Широка страна твоя родная, много в ней лесов, полей и рек!..

Казалось бы, Сереге судьбу свою не хаять, а благодарить надо – за то, что живой, почти целый и не калека. А он очерствел душой, стал зверем на мир смотреть, улыбнется – как волчьим оскалом одарит: к нам не подходи!

Так и жил с недобрым взглядом, с волчьими повадками. И песен веселых, радостных, жизнеутверждающих не признавал вовсе. Возьмет свою обшарпанную шестиструнку наперевес и рвет душу себе и окружающим:

Отбивался, как мог,
да ведь били гурьбой:
увернешься от ног —
попадешь под прямой.
Кровь в глазах, как вино,
и мешает смотреть.
Мне осталось одно —
Взять да и помереть.

А теперь я лежу —
медяки на глазах,
не верчусь, не дышу,
ни в крови, ни в слезах.
Отпевают меня
и жалеют опять,
только не извинят,
если вздумаю встать...

Эту мрачную песню Серега зачем-то про собственную свадьбу сочинил, хотя женат отродясь не был, а проживал с младшей сестрой Тamarой и ее супругом Виталием в двухкомнатной квартире в глубине Старого Арбата.

Очень удобно. Захотелось, к примеру, ирландского пива, или бизнес-ланча, или даже какую-нибудь редкостную антиквариатную штукину – все рядом, все под рукой. Рубликов в карманах маловато? Не беда: тут на каждом углу скупка золота и обмен валюты производится. Ну, а ежели сдавать и менять тебе нечего, то извини, ты пока что чужой на здешнем празднике жизни. Тут, брат, столица, а не богадельня. Жди своего счастья, оно есть, его не может не быть. Однажды оно на тебя свалится – ослепительное, ошеломляющее.

Прямо на голову, чтоб его!..

2

Сергеа помотал головой, разгоняя рой искр перед глазами.

Это его какой-то малый обрезком трубы приголубил мимоходом, когда вся скинхедская гоп-компания из перехода врассыпную кинулась. Бритоголовый сукин сын бежал себе, бежал, а натолкнулся на тяжелый Серегин взгляд и инстинктивно замахнулся. Серега как раз одной рукой гитару держал, а второй – незнакомой женщине с асфальта подниматься помогал, так что обороняться ему было нечем. Вот и получил свое под занавес.

– Твари, – убежденно произнес Серега, вставая на ноги. – Все они твари.

В первую очередь, конечно, подразумевались фашиствующие молодчики, но не только они одни. На земле разной пакости хватало. Вот ее-то, всю скопом, Серега и ненавидел. Сегодня от скинхедов досталось, вчера от бандитов перепало, завтра какая-нибудь мразь новый дефолт устроит. Ну разве не твари?

В глазах Сереге прояснилось, но в голове все еще стоял набатный гул после удара железкой. За тот короткий промежуток времени, пока он находился в отключке, поле боя разительно изменилось. Никто никого не догонял, никто не размахивал конечностями, воинственные возгласы сменились жалобными стонами.

Женщина, которой Серега пытался помочь (вот уж, действительно, на свою голову!), куда-то запропастилась, только стоптанную босоножку оставила на память. А вообще много всякого-разного вокруг валялось: рассыпавшаяся мелочь, разнокалиберные осколки, зажигалки, сигареты, ключи, ошметки мороженого, газеты, пластиковые пакеты и – граждане, много потрепанных, истерзанных граждан, которые все это добро обронули, когда их принялись колотить чем попало по чему попало.

Один за другим они приходили в себя, сплевывая кровавые сгустки, растирая ушибленные места, обескураженно разглядывая порванную одежду.

Все громче рыдала лоточница, добро которой приобрело вид совершенно не товарный, после того как по нему прошелся не один десяток пар ног. Яростно матерился торговец очковыми оправками, левое ухо которого отсвечивало в полумраке тоннеля петушиным гребнем. Тоненько голосила миловидная девчушка с зияющим провалом вместо зубов.

Сбитые с ног поднимались на ноги, устоявшие обессиленно присаживались на корточки. Под бетонными сводами нарастал гул перепуганных, растерянных или просто злых голосов.

– Это что же такое творится, люди добрые, а?..

– Я думала, у меня сердце остановится напрочь...

– Нет, ну это нормально? Нормально, я вас спрашиваю? Среди бела дня, в самом центре сто-лицы...

– Вешать этих фашистов, за ноги вешать! Прямо на Красной площади!

Пока жертвы геноцида делились таким образом своими впечатлениями, те, кому посчастливилось не попасться под горячую руку скинхедов, валили дружной гурьбой наверх, призывая истошными голосами милицию.

Сергеа мазнул ладонью по рассеченной брови, полюбовался результатом. Крови совсем мало было, так, несколько капель. Не то что у смуглого мужчины, которого по соседству головой об стену приложили. Этот был явно не жилец – ноги разбросаны как попало, одна рука зачем-то в кулак сжата и нелепо вверх торчит, а из дыромахи в черепе струится густая малиновая кровь. Отгулялся гость столицы.

Отведя взгляд, Серега обнаружил, что сам он держит уже никакую не гитару, а один лишь сломанный гриф, увитый обрывками струн, и зашвырнул его подальше, произнеся при этом парочку нелитературных фраз.

Как ни странно, дневная выручка, хранившаяся в банке из-под «Нескафе», никуда не пропала, так что Серега аккуратно переложил деньги в карман, а банку оставил на месте, догадываясь, что с карьерой уличного музыканта покончено навсегда. Не отдавая себе отчета в том, почему вдруг в душе возникла такая уверенность, он распрямился и захромал было к ближнему выходу, когда вдруг застыл, оглянувшись через плечо.

Пальцы покойника были унизаны разнообразными перстнями, к окровавленному подбородку рыжая коронка прилипла, на шее – витой золотой жгут с мизинец толщиной.

Оно не бедствовало, это лицо кавказской национальности, шляясь по улицам чужой столицы вдали от родины. Оно наверняка вкусно кушало, имело русских девочек и проворачивало какие-то свои делишки, пока внезапно не превратилось в посмертную маску на грязном холодном полу московского перехода. Теперь и золотишко ему было без надобности, и пузатая барсетка, явно заменявшая бумажник.

Снять перстень с пальца покойника Серега ни за что не решился, даже если бы в золотую оправу был вставлен самый расчудесный бриллиант. А вот бесхозная барсетка валялась сама по себе, никем до сих пор не замеченная, никому пока не нужная. Скоро набегут менты и – фьють – вот она была и нету. Зачем добру пропадать?

Серега шагнул вперед, поколебавшись, нагнулся, поднял барсетку и двинулся дальше, торопясь выбраться из перехода до того, как на смену скинхедам явятся блюстители порядка, уже оглашающие округу своими сиренами.

Нагребут полные карманы вещдоков, отпрапортуют перед телекамерами о том, что преступники будут непременно изловлены, и поминай как звали.

Следствие ведут мастаки, чтоб им ни дна ни покрышки. Им бы, ментам удалым, в Серегину шкуру, чеченским железом попорченную.

Перешагивая через две ступеньки, Серега стал подниматься вверх, где уже собралась порядочная толпа любителей экстремальных ситуаций, приключающихся с посторонними.

– Убитые есть? – деловито спросил у Сереги пенсионер с орденскими планками. Его волосатые ноздри жадно раздувались.

– Есть, – кивнул Серега, не останавливаясь. – Но главная потеха впереди. Там взрывчатка заложена. Вот-вот рванет.

– Неужели?

Орденские планки вздрогнули, но остались на месте, азартно поблескивая в лучах заходящего солнца. Пенсионер в свое время пропустил взрыв на Манежной площади и не собирався повторять ошибку.

Серега, раздвигая плечом зрителей, выбрался из толпы и пересек улицу перед самым носом белой иномарки с изображением зубастой пасти аллигатора на борту. Очень подходящая эмблема для телевизионщиков, прибывших на место трагедии.

Эх, времена настали, лихие, отчаянные, так и чудится над страной разбойничий пере-свист! Зато у одних всегда есть работа, а у других – развлечение. Кто сказал: «Хлеба и зрелищ»? Хлеб – дело десятое, нам бы, главное, кровушки побольше, чужой, конечно.

Привычно хмурясь, Серега свернул на Арбат, в начале которого шло полным ходом строительство очередного доходного места. Какой-нибудь ресторан, галерея супердорогих бутиков или просто развлекательный комплекс с обязательным кегельбаном и массажным салоном. Знать это наверняка Сереге было совсем не обязательно. Все равно заказчики с подрядчиками не для него стараются. Ему в подобных заведениях делать нечего, даже если подобранная барсетка доверху набита крупными купюрами. У него, у Сереги, другие цели. Выжить в этом мире самому – это раз. Не дать пропасть своим близким – это два. Ну, а в-третьих, если повезет, то пореже краснеть за свои поступки. К примеру, не брать чужое, как это пришлось сделать сегодня.

Ч-черт! Зашвырнуть бы проклятую сумочку куда подальше и забыть о ее существовании, да нельзя. Не тот случай, когда можно позволить себе деньгами разбрасываться. Даже если они не твоим честным трудом заработаны.

Серегина сестра Тамара на днях влипла в такую скверную историю, что без кругленькой суммы из нее не выберешься. Вход бесплатный, зато на выходе можно и головы запросто лишиться. Бестолковой, прямо скажем, головы. Ветреной.

Эх ты, малолетка, подумал Серега, сворачивая под арку своего двора. В голове ни бум-бум, дура дурой. Отличные слова для песни, между прочим. Жаль, что ее, кажется, уже сочинили. Ладно. Новые песни придумает жизнь. Ее ведь, жизнь, пока что не отменили и отменять не собираются. Значит, нужно как-то крутиться.

Лишь бы не на вертеле в пекле!

Глава 3

Любовь – не вздохи на скамейке...

1

Тамара Леднева горестно вздохнула и тронула мужа за плечо:

– Виталик... Витальчик... Кушать хочешь?

– Яичницу? – желчно осведомился муж, вот уже второй час безучастно лежавший на диване. – Я ел яичницу сегодня на завтрак. И вчера на ужин. – Оттого, что он уткнулся носом в стену, его голос звучал глухо, почти замогильно. Не самая подходящая манера общения для двадцатидвухлетнего парня.

Тамара вздохнула еще разок, на этот раз чуточку громче.

– Почему обязательно яичницу? – спросила она у спины мужа.

Виталий обернулся через плечо и криво усмехнулся:

– А что, есть другие варианты?

– Давай я картошки нажарю. Хочешь?

– Ее сначала купить нужно.

– Тогда можно рожки отварить, – неуверенно предложила Тамара.

– Рожки? – Виталия подбросило и перевернуло на диване так неожиданно, так резко, словно все это время он только и мечтал о том, чтобы навернуть тарелку-другую макаронных изделий.

Но потупившаяся Тамара отлично понимала причину такого нездорового возбуждения. Все дело было в словце, неосторожно сорвавшемся с ее языка. Рожки, будь они неладны! Мужчины, которым изменяют жены, не любят, когда им напоминают об этом. Даже если это происходит ненароком, без всяких задних мыслей.

– Рожки! – повторил Виталий с пафосом. – Тебе мало тех, которыми ты меня уже наградила?

Он вскочил было, но тут же уселся обратно и даже ногу на ногу закинул, пытаясь придать себе независимый вид. Ухмылка продолжала кривить его губы, но левый уголок рта подрагивал, как будто его дергали за невидимую ниточку. Смотреть на эту улыбку было больше, чем на свежую рану самого близкого на свете человека. Поэтому, прежде чем заговорить снова, Тамаре пришлось зацепиться взглядом за забавного игрушечного пони, подвешенного к светильнику под потолком.

Год Темной Лошади, будь он неладен. И просветов в ближайшее время не ожидалось, наоборот. Лошадь закусила удила и понесла – не остановишь. Чем все это закончится? Когда?

Оттого, что ответов на эти вопросы не было, Тамаре вдруг захотелось повалиться прямо на пол и разрыдаться во весь голос, однако вместо этого она тихо попросила:

– Не сердись, пожалуйста. Я не имела в виду ничего такого, честное слово.

– А вот твоих честных слов мне не нужно! – Виталий предостерегающе выставил перед собой растопыренные пятерни. – Грош им цена, твоим клятвам и заверениям! Лично я сыт ими во по сюда... по самое горло! – Он сделался бледен, словно не ребром ладони себя по кадыку чиркнул для наглядности, а опасной бритвой.

А пони крутился себе на ниточке как заведенный, и его глаза-бусинки ничего не выражали. Он ведь был игрушечным, не настоящим. Это людям выпало без конца страдать и мучить друг друга, а у него было иное предназначение.

– Послушай, – Тамара повернулась к мужу, – ты так и будешь теперь меня всю жизнь попрекать?

Виталий выпятил подбородок:

– А ты хотела, чтобы я все забыл? Как будто ничего не было?

– Было. Но прошло. Сколько можно повторять одно и то же?

– А! Не нравится слушать?

– Кому же такое понравится?

– Давай тогда я тебя по головке стану гладить, хочешь? Ты полагаешь, что именно этого заслуживаешь, да?

– А ты считаешь, что я заслуживаю смертной казни?

Как это часто случается, выяснение отношений между супругами переросло в обмен риторическими вопросами, причем на все более повышенных тонах, поскольку ответов никто, собственно говоря, и не ждал. Более важным казалось просто перекричать друг друга.

– Тебе, значит, и слова не скажи? – восклицал Виталий, распаляясь все сильнее. – Ты, значит, можешь гулять направо и налево, а я должен помалкивать в тряпочку?

– Ты же сам говорил, что меня прощаешь, разве нет? – Тамара раздраженно дула на прядь волос, упрямо падающую на ее лицо. Откинуть волосы руками не приходило ей в голову. – Или тебе теперь со мной жить тошно? – вопрошала она звенящим от напряжения голосом. – Может быть, ты вообще надумал со мной развестись?

– Что, невтерпеж? Не сидится дома, не сидится? Понравилось любовь крутить?

– Какая любовь, какая любовь? Если разок промашка вышла, так мне что же, вешаться теперь?

– Промашка? – Виталий расхохотался как заправский Мефистофель. – А не *подмашка*? Мне кажется, так будет точнее.

– Послушай, выбирай выражения! Я тебе не шлюха какая-нибудь подзаборная!

– Да, – язвительно подтвердил Виталий. – Не какая-нибудь. И не подзаборная.

– Ну, знаешь ли! – прошипела Тамара, когда сообразила, что само определение «шлюха» у мужа возражений не вызывает.

Для того чтобы высказать свое возмущение более конкретно, ей не хватило ни слов, ни воздуха в легких. Крутнувшись на месте так, что от подошв тапочек запахло паленой резиной, она стремглав ринулась вон из комнаты. Коршуном взвившийся с дивана Виталий поймал ее за ворот халата и, слегка задыхаясь, поинтересовался:

– Ты куда это собралась?

– Пусти! – крикнула Тамара, не оборачиваясь. – Я уйду, уезжаю! С меня хватит!

– Чего именно с тебя хватит?

– Всего!

Подавшись вперед так яростно, что халат затрещал по швам, Тамара вновь попыталась улизнуть из комнаты. Виталию пришлось обхватить ее обеими руками поперек талии. Ощущение было такое, словно держишь извивающуюся всем телом рыбину, сильную, скользкую и очень холодную.

– Успокойся, слышишь! – прикрикнул Виталий тоном скорее тревожным, чем требовательным.

– Отпус-сти, я с-сказала!

Подпрыгнув в его объятиях, Тамара взбрыкнула в воздухе ногами.

– А ну хватит! – заорал Виталий страшным голосом.

Домашние тапочки, слетевшие с ног жены, показались ему дурным предзнаменованием. Он ведь не собирался отпускать Тамару, даже после того, что она натворила. Он не мог без нее жить, хотя не признавался в этом никому, в том числе и самому себе.

– Прекращай этот балаган! – попросил он уже спокойнее.

– Это не балаган, – возразила Тамара. – Все очень даже серьезно.

Прижимаясь к мужу спиной, она слышала, как отчаянно колотится его сердце. Его руки ослабили хватку, и теперь можно было запросто вырваться из его объятий, но ей не хотелось этого делать. Гораздо спокойнее и приятнее было стоять на месте, ощущая ладони Виталия на своей пояснице.

– Отпусти меня, – пробормотала она.

– Сначала скажи, что ты задумала.

– Ты слышал. Я уезжаю.

– Куда именно? – Голос Виталия сделался хриплым.

Тамара пожала плечами:

– Да хоть к родителям, в Курганск.

– А кашу, которую ты заварила, мне одному расхлебывать? – мрачно осведомился Виталий. – Ты хоть понимаешь, что натворила? – Он перехватил жену за плечи, вынуждая ее развернуться к нему лицом.

– Ну, понимаю. – Тамара старательно отводила глаза. – Тебе-то что? Отвечать мне.

– Нам! – встряхнул ее Виталий. – Мы пока что муж и жена.

– Пока что! – саркастически повторила Тамара.

Некоторое время они молчали, такие близкие и такие далекие. Наконец Виталий не выдержал, заговорил первым. Его слова падали в тишину тяжело и глухо, как камни:

– На сегодняшний день существует только один способ оплатить твой должок бандитам – продать эту квартиру. Тебе с братом плевать – квартира-то не ваша. Вы умотаете в свой паршивый Курганск, а мне где жить прикажете? Перебираться на вокзал?

Тамара прищурилась:

– Вот, значит, что тебя больше всего волнует! Но ты не переживай, Виталечка, не переживай! За эти хоромы тебе столько отвалят, что ты потом себе новую квартиру купишь.

– В какой-нибудь занюханной Капотне, – кивнул Виталий. С его лица не сходила кривая ухмылка, а в глазах плескалась застоявшаяся боль. – Или в Мневниках. Один в четырех голых стенах, на столе полная бутылка водки, под столом десяток таких же пустых. Хорошенькую же перспективу ты мне предлагаешь!

– А тебе для полного счастья обязательно жить на Арбате? – спросила Тамара, не поднимая головы.

– Для полного счастья мне нужна ты, – буркнул Виталий, тоже глядя куда угодно, только не на свою дражайшую половину. – Хотя какое уж тут счастье, когда...

– Тс-с! – Тамара предостерегающе приложила палец к его губам. – Хватит об этом, ладно? Ну, душой я оказалась, тварью неблагодарной, стервой... Только больше этого не повторится, обещаю. Ты мне веришь? Скажи, веришь?

– После всего того, что произошло...

– Не *после* и не *до*. Сейчас.

Виталий передернул плечами:

– Сейчас верю. Но...

– Никаких «но»! – строго сказала Тамара, обвиваясь вокруг него, как плющ. – Сережа вернется не раньше чем через полтора часа. Обними меня.

– Не думаю, что у меня что-нибудь получится, – пробормотал Виталий, хотя, подчиняясь напору жены, он уже пятился к тому самому дивану, на котором еще недавно отлеживал бока, терзаясь муками ревности. – Стоит только подумать, как ты занималась этим с другим, и...

– С *ним*, – перебила мужа Тамара, – все вышло по глупости, случайно. А ты...

– Что я? – проворчал Виталий, мало-помалу отмякая.

– А ты – это ты... Самый лучший... Единственный...

Обнявшиеся супруги напоминали танцующую пару. Направление и темп, правда, задавала дама, а кавалер все больше делал вид, что сопротивляется, но закончилось это так, как и должно было закончиться, учитывая, что молодоженам было сорок годков на двоих, а прожили вместе они всего ничего: семь месяцев, две недели и три с половиной дня.

Одновременно вскрикнув, оба повалились на диван. Виталий, который никакой инициативы не проявлял, каким-то образом оказался вдруг сверху, и уже через пару минут Тамара охнула и шумно задышала.

– Погоди... Я сейчас...

– Не надо... Я сам...

И не осталось в мире никого и ничего, кроме них двоих. И не было такой силы на свете, которая могла бы оторвать Виталия от Тамары, а Тамару – от Виталия. Всецело поглощенные своей возней, оба напрочь позабыли о всех своих проблемах. В настоящий момент их занимало только одно: как бы поскорее избавиться от мешающей обоим одежды, и она, поспешно срываемая с себя и друг с друга, летела во все стороны, как тряпичные лепестки, разметанные смерчем, ураганом, тайфуном. Очень скоро на обоих не осталось ничего, кроме следов от резинок, и головы у них закружились от наготы друг друга, от близости, от предвкушения взаимного обладания.

А дальше началось такое, что посторонним лучше не знать и не видеть, чтобы не травить себе душу понапрасну. Самое время перенестись назад и поинтересоваться первоисточником конфликта, возникшего между молодыми. Потому что с этого, собственно говоря, и начались злоключения наших героев.

Они, злоключения, всегда с чего-нибудь да начинаются. А уж потом им конца и края не видно.

2

Параметрами фигуры Тамара не выдалась, так она по молодости лет полагала. Почитаешь описание любой самой заваливающей манекенщицы, на себя в зеркало глянешь, и сразу настроение падает. Как говорится, почувствуйте разницу.

Рост у Тамары – что надо, зато бедра – пошире классических, грудь – объемистей, талия... Гм, ну, если во время измерения живот как следует втянуть, то талия более-менее соответствует, но постоянно помнить о такой необходимости обременительно и хлопотно.

Иногда Тамаре казалось, что этих манекенщиц проклятых специально женоненавистники понапридумывали, чтобы рядовым бабам досадить. Ну чем они лучше прочих, сухопарые, костлявые, руки-ноги как на шарнирах? Ан нет, на подиумах не нормальные девчонки вроде Тамары красуются, а именно эти сомнительные эталоны. Ни сисек у них, ни, извините, остального, зато гонору хоть отбавляй. Крутят своими тощими задницами со столь надменным видом, как будто такими природа женщин и задумала. А остальным что делать? Комплексы свои коллекционировать, что ли?

Что касается Тамары, то комплексов у нее имелось не то чтобы много, но все равно порядочно. Во-первых, волосы у нее были такого непроницаемо-угольного цвета, что фиг осветлишь. Так и ходила жгучей брюнеткой, отчаянно завидуя натуральным и всем прочим блондинкам. Во-вторых, танцевала Тамара, прямо скажем, неважнецки. Вся пластика, которую она в одиночку перед зеркалом отрабатывала, на дискотеках куда-то вдруг девалась, словно ее у Тамары отродясь не было. Обидно? Еще как. Лишь к семнадцати годам она немного подуспокоилась, когда сообразила, что парни ее не на танцплощадку затащить мечтают, а в уголки куда более тихие и укромные, и музыка тут совершенно ни при чем.

Таких, настойчивых, которые своего все-таки добились, у Тамары до замужества насчитывалось четверо. Потом пятый появился – Виталик, который наивно мнил себя всего лишь вторым по счету. Но по-настоящему Тамара только его одного любила, думала, он последним в ее небогатой коллекции станет. Он тоже так полагал. А вышло, что оба заблуждались.

Так уж фишка легла. Да и Тамара заодно. Разделась, легла, встала, оделась... Пустячная вроде бы процедура, но последствия оказались очень и очень серьезными. Стоило разок дать слабину, ступить на скользкую дорожку, а потом пошло-поехало, только держись.

Беда Тамары, как выяснилось, заключалась в ее пристрастии к быстрой езде и музыке группы «Мумий Троль».

Шла она себе однажды весенним погожим днем по улице, горя не знала, на витрины заглядывалась, в которых то ее отражение проплывало, то всякие дорожные мелочи, милые женскому взору.

Вдруг: «бип!»

Тамара на призывный автомобильный гудок ноль внимания, идет себе дальше, только чуточку плавнее и уже с предусмотрительно втянутым животом. Это у нее инстинктивно получилось, чисто автоматически. Порядочная девушка не станет специально лезть из кожи, чтобы понравиться каждому встречному. Тем более замужняя. И уж тем более Тамара.

Ее подбородок приподнялся на пару сантиметров и решительно устремился вперед, как нос каравеллы, бегущей по зеленым волнам.

«Бип-бип-м-бииип!»

Сигнал настойчивый, требовательный. Тамарин глаз сам по себе скосился влево. Любопытно ведь, кто это такой настырный. В том, что сигналият именно ей, Тамара не сомневалась. Такие вещи женщины нутром чувствуют, кожей. И Тамара не ошиблась.

Вдоль самой бровки катил белоснежный джип с затемненными стеклами. То стекло, что со стороны водителя, было опущено, и из проема на Тамару таранился молодой человек в

черных очках. Прическа гладкая, блестящая, как спинка жука. Зубы белые. На груди в разрезе распахнутой сорочки медальон в виде орла, раправившего крылья. Ничего не скажешь, красавчик. Тамаре стоило немалых усилий глядеть прямо перед собой, а не коситься на парня в джипе, который оставил клаксон в покое и подавал свой собственный голос:

- Девушка! Да подождите же! Не бойтесь, я не кусаюсь!
- Да? – вежливо удивилась Тамара. – А вот обо мне этого не скажешь.
- Вы любите кусаться?
- Я не люблю уличных донжуанов!
- Я не Дон Жуан. Я Женя.
- Ха! – Шажок вперед. Еще один, пошире.
- Девушка, мне срочно на Сретенку нужно. Не подскажите, как туда проехать?

Разве можно человеку в такой пустяковой просьбе отказать? Вообще-то можно было пройти мимо, предоставив красавчику Жене поискать себе другого гида, но Тамарины ноги сами собой замедлили ход, точно на них набросили невидимые путы. А когда парень выбрался из притормозившего автомобиля и сдвинул очки на лоб, каблуки Тамариных босоножек и вовсе в асфальт вросли как вкопанные.

Глазищи у парня оказались синие-синие, большущие-пребольшущие, точь-в-точь как у Ильи Лагутенко, ну, того самого, который главный Мумий Троль. Улет! Ну просто полный отпад!

– Вам бульвар нужен или улица? – спросила Тамара, надеясь, что тон ее достаточно строг и официален.

– А это разве не одно и то же? – удивился парень.

– В принципе нет, но то и другое рядом. Вам лучше до Бульварного кольца доехать, а там уже искать, что именно вам нужно.

– Бульварное кольцо? – Лицо парня приняло озабоченное выражение. – А как туда добраться?

- Вы что, приезжий?
- Разве не заметно?
- Хм!

Тамара бросила взгляд на номерной знак джипа, но комбинация цифр ей ни о чем не говорила. Сама она личного транспорта не имела, а наблюдательностью не отличалась. Пришлось поверить парню на слово.

– Езжайте прямо, – сказала она, подкрепив свои слова взмахом руки. – Потом направо по Тверской и опять направо, по кольцу. Сначала Петровку пересечете, потом...

– Погодите, девушка! – взмолился синеглазый. – Для меня все эти ваши Тверские с Петровками – темный лес. Может, прокатитесь со мной немного? Мне на Сретенке только в банк заскочить, буквально на пару минут. А потом я вас обратно доставлю, честное слово!

Голос парня был убедителен, а взгляд – прямо-таки обезоруживающий.

– Даже не знаю, – заколебалась Тамара.

Положа руку на сердце, спешить ей было некуда, поскольку они с мужем находились в отпуске, помаленьку готовясь к поездке в Крым. Собственно говоря, Тамара выбралась из дома специально, чтобы снять со счета весь семейный бюджет в сумме 27 000 рублей и попутно сделать кое-какие необходимые закупки. В первую очередь присмотреть себе сног-сшибательный купальник, а Виталию – практичные, но скромные плавочки. И вдруг на тебе: чуть ли не сам Лагутенко собственной персоной прокатиться предлагает. В белом-белом джипе с темными-темными окнами!

Перед сном Тамара иногда представляла себя восседающей за рулем примерно такого же автомобиля. В свободной руке изящный корпус мобильного, волосы развеваются на ветру, а рядом, любуясь ею, сидит... совсем не обязательно законный муж. В действительности Тамара

Виталия любила, даже очень, но в мечтах его место почему-то всегда занимал другой – некто с непременно синими глазами, роскошными ресницами и вкрадчивым голосом.

– Даже не знаю, что с вами делать, – заколебалась она.

– А что хотите! – Женья сделал приглашающий жест в направлении своего джипа. – Садитесь, пожалуйста.

– Но потом сразу назад! – предупредила Тамара. – И никаких просьб оставить телефончик. Обещаете?

– Ю! – кивнул синеглазый Женья.

– Что?

– *Обеща-Ю*. Мне неловко, когда ко мне такие симпатичные девушки на «вы» обращаются. Чувствую себя стариком каким-то. Тебя, кстати, как зовут?

– Ну Тамара.

– Поехали, Нутамара. Лошадки под капотом моего джипа нетерпеливо бьют копытами.

Автомобильная дверца предупредительно распахнулась перед девушкой. Подождав, пока она усядется, Женья занял свое место за рулем и включил радио. Из динамиков, как по заказу полился по-кошачьи гнусавый голос Тамариного любимчика:

Дни в подста-авленные ча-аши
Набега-ают и стека-ают.
Истека-ают сроки на-аши,
Наши сроки истека-ают...

Тетенька Смерть, ну, здравствуй,
Тетенька Смерть, я вот он,
Жизнью измотан,
Жизнью распластан...

Не совсем было понятно, почему Мумий Троль так сладостно об этом мурлыкает, но именно поэтому песня звучала вдвойне прикольно.

– Нравится? – усмехнулся Женья, наблюдая за выражением лица спутницы.

– Нам прямо, – напомнила спохватившаяся Тамара.

– Йес, ОБХСС! – воскликнул, ерничая, Женья.

Подчиняясь ему, джип фыркнул и взял с места в карьер, искусно лавируя в потоке машин. В нем оказалось гораздо комфортнее, чем в «Мицубиси», на котором Тамаре порой доводилось ездить по делам фирмы. Салон просторный, капот покатый, лобовое стекло шире, сзади нет запаски, мешающей обзору.

– Как называется эта машина? – светски поинтересовалась она, делая безуспешную попытку натянуть юбку хотя бы до середины бедер. Собственные незагорелые ноги казались ей чересчур обнаженными, чересчур заметными.

Прежде чем ответить, Женья весело сверкнул зубами – улыбаться и водить машину у него получалось действительно здорово.

– «Трибьют», первый «маздовский» внедорожник, – сообщил он, – свежак, только с конвейера. Япошки его совместно со штатовским «Фордом» склепали, такого больше в природе не существует.

– Да? – вежливо удивилась Тамара, которую лишние подробности не слишком интересовали.

– Этот джипяра – единственный в своем роде, – продолжал хвастаться Женья. – Его десять лет конструировали, прикинь! Получилась не тачка – игрушка. Только пепельницу установить забыли, а в остальном все по высшему разряду устроено. Навороты всяких немного, но зато

движок не то что на «Хондах» с «Тойотами» – трехлитровый установлен. Короче, «Трибьют» – зверь, а не машина. В рекламе его называют внедорожником с душой спортивного автомобиля. – Сделав паузу, чтобы закурить, Женя испытывающе взглянул на соседку. – Кстати, ты машину водишь?

– Немного, – произнесла Тамара. – Реже, чем курю.

– Ох, извини!

Перед ней возникла открытая пачка, плотно набитая сигаретами с белыми фильтрами. Тамара вытащила одну и увидела огненный язычок, вспыхнувший над протянутой Женей зажигалкой.

– Хочешь порулить? – спросил он.

– Здесь, в центре Москвы? – ужаснулась Тамара. – Я только за городом несколько раз пробовала.

– Пустяки! – небрежно бросил Женя. – Водить «Трибьют» не сложнее, чем коляску. Единственный нюанс – полноприводная трансмиссия. Задние колеса автоматически подключаются, когда разгоняешься как следует. – В подтверждение своим словам он прибавил газу, нажал пальцем на кнопку с надписью «Lock» и пояснил: – Теперь она светится зеленым, видишь? Это значит, что нагрузка на обе оси равномерная.

– Эй! – спохватилась Тамара. – Куда это мы едем? Надо было на Бульварное кольцо сворачивать, а ты проскочил.

Женя нахмурился:

– На кой оно мне нужно, Бульварное кольцо!

– А как же Сретенка?

– И Сретенка побоку. Я тебя обманул, Томочка. Никакой я не приезжий, а если и искал что-то, так это встречи с такой девушкой, как ты.

– Та-ак! – протянула Тамара, выбрасывая сигарету за борт. – Ну-ка, останови немедленно!

Женя покачал головой:

– Сначала я должен объяснить кое-что. Да, я тебя обманул, каюсь. Но у меня есть причина. Даже две.

– Какие? – насторожилась Тамара.

– Первая причина – это ты, – ответил Женя просто. – Как в песне, слышала такую?

– Допустим. Вернее, нет. А что за вторая причина?

– Ну, эту песню ты наверняка знаешь, с детства, – печально произнес Женя. – К сожалению, день рождения только раз в году.

– Чей? – машинально спросила Тамара.

– Мой.

В белоснежном джипе, мчащемся по Ленинградскому проспекту, воцарилась тишина. Женя даже радио выключил, а физиономию скроил такую, что его хотелось погладить по голове.

– Разве день рождения – повод для грусти? – воскликнула Тамара, выковыривая из пачки еще одну сигарету.

– У меня никого нет, – ответил Женя. – Друзья, с которыми я начинал бизнес, меня предали, родители эмигрировали к черту на кулички... – Он тоже закурил, после чего тихо произнес: – Знаешь, я почти привык жить один, но в день рождения и под Новый год такая тоска накатывает, что... Эх! – Взмах руки оборвал фразу на полуслове.

В груди у Тамары образовался теплый комочек, как это случалось во время душещипательных сцен в сериалах.

– Почему бы тебе не жениться? – участливо спросила она.

– Жениться! – Женино лицо перекошилось. – Всем девушкам, которых я знаю, нужны мои деньги, а не то, что у меня тут. – Он ткнул себя в грудь. – Ты им про любовь, а они тебе про шмотки. «Знаешь, милый, я присмотрела себе такое милое авто...»

Тамара подумала, что если Женины подруги изъясняются такими писклявыми голосами, то ему действительно не позавидуешь. А он, внезапно прекратив передразнивать кого-то из своих пассий, коротко взглянул на Тамару и сказал:

– Вот ты другая, я чувствую. Я прав?

– Я замужем, – тихо сказала Тамара. Впервые за всю ее недолгую супружескую жизнь признание далось ей с некоторым трудом.

– Конечно. Так я и знал. Стоит встретить девушку, с которой... которая... – Не закончив фразы, Женя некоторое время молчал, с ожесточением перестраиваясь из ряда в ряд. А когда он заговорил снова, его голос был полон горечи: – Если я предложу тебе заглянуть ко мне хотя бы на полчаса, ты, разумеется, откажешься? Придумаешь какие-нибудь неотложные дела, может быть, даже пообещаешь прийти как-нибудь в другой раз, но адрес спросить забудешь, как бы случайно. Ты ведь замужняя женщина и видишь во мне обычного уличного пристава, от которого нужно держаться подальше.

Размышляя вслух, Женя смотрел прямо перед собой, совершенно не интересуясь Тамариной реакцией. И, хотя она собиралась повести себя примерно так, как подозревал спутник, ей сделалось немного обидно.

– Если бы я тебя опасалась, – выпалила она звонко, – то я не сидела бы сейчас здесь!

– Да? – Сарказма в Женином голосе было больше, чем приятного удивления. – Так ты все же отважишься переступить порог моей квартиры?

– Зачем? – замкнулась Тамара.

– Затем, что в холодильнике нас дожидается бутылка шампанского, такая же одинокая, как именинник, который ее припас. – Женя хмыкнул. – Ему, имениннику, почему-то очень важно, чтобы хоть кто-то чокнулся с ним и произнес что-нибудь приятное. Таким уж наивным мечтателем он уродился. Между прочим, ровно четверть века назад.

– Тридцать минут, не больше, – твердо сказала Тамара. – И при условии, что никаких уговоров остаться еще ненадолго не будет.

По выражению просветлевшего Жениного лица было видно, что он не очень-то верит своему счастью:

– Значит, ты...

– Надеюсь, именинник проживает не на самом верхнем этаже дома без лифта, – перебила его Тамара. – А если так, то время моего визита сокращается ровно на пять минут.

– Йаху! – совершенно по-мальчишески завопил Женя, притапливая педаль газа.

Обгоняя всех подряд, белый джип устремился вперед. Подобно людям, сидевшим внутри него, он понятия не имел, чем все это закончится, но чихать хотел на последствия.

Есть намеченная цель, есть кратчайшее до нее расстояние, которое нужно преодолеть как можно быстрее. Какого еще рожна надо?!

3

В полчаса они все же не уложились.

Когда все закончилось, Тамара пожалела, что хотя бы не сложила свою одежду возле кровати. Поскольку ее тряпочки остались в соседней комнате, теперь требовалось пересечь спальню голышом, на виду у почти незнакомого парня. Почему-то эта нехитрая процедура казалась Тамаре унижительной. Наверное, все дело было в настроении. Праздник завершился, так толком и не начавшись.

– Закрой глаза! – потребовала она тоном, несколько не походящим на любовное воркование.

– Чего тебе не лежит? – удивился Женя, который, разумеется, уже покуривал, барски развалившись на постели. Ему не приходило в голову хотя бы прикрыть бедра простыней или сказать Тамаре что-нибудь ласковое, утешительное.

– Мне пора! – Она старалась не глядеть на своего случайного знакомого, под которого попала, как попадают под машину – совершенно случайно, по рассеянности, по неосторожности, но, главным образом, все же по собственной глупости.

Женя ухмыльнулся и потеребил то, чем оприходовал свою гостью:

– Гляди, мой дружок протестует против твоего ухода демонстративным вставанием.

Это походило на сцену из дешевого порнофильма, напичканного похабными репликами, а Женина улыбка перестала казаться Тамаре такой уж лучезарной.

Она злилась на него, но все-таки больше на себя, потому что повела себя, как последняя дура. Зачем было рассказывать первому встречному о том, что они с мужем собираются на море? Для чего было объяснять ему, что она выбралась из дома, чтобы поискать пляжные аксессуары? И, самое главное, какого черта Тамаре вздумалось примерять купальник, предложенный Женей? Зеленый, состоящий из лямок и лоскутов, переплетающихся таким причудливым образом, что в них недолго и запутаться.

Разумеется, Женя обернулся раньше, чем Тамара полностью нацепила на себя всю эту экзотическую сбрую. А до Жени было рукой подать, вернее, ему стоило лишь протянуть руку, чтобы достать до Тамары. И он протянул: сразу обе. А она только и успела, что протестующе вскрикнуть. Только один раз, потому что в следующий момент ее рот оказался плотно зажат Жениными губами, а купальник каким-то загадочным образом сам упал к ее ногам. Но разве она не предвидела, что именно так все и получится? Конечно, предвидела. Значит, она не просто наивная дурочка, а распоследняя шалава. И это при том, что ее Виталик лучше всех синеглазых брюнетов, вместе взятых!

– Именинничек, – буркнула Тамара.

Злость подбросила ее с кровати, как будто матрац был снабжен специальной катапультий для глупых девушек, попавшихся в нехитрую ловушку повесы с внешностью начинающего Ильи Лагутенко и манерами законченного альфонса. Женины намеки на его состояние, которое якобы застит глаза его подружкам, оказались таким же мифом, как и день рождения. Достаточно было бросить взгляд на крохотную прихожую, увешанную плакатами фотокрасоток, чтобы сделать соответствующие выводы и не переступить порога этой сомнительной квартиры. Но Тамара переступила. И теперь все ее существо рвалось обратно – не просто наружу, а в недавнее прошлое, где не было никаких измен и можно было не прятать глаза от собственного мужа.

Она наспех ополоснулась под душем, в рекордно короткий срок натянула на себя принесенную из комнаты одежду и уже с остервенением раздирала щеткой свои спутанные волосы, когда в ванную проник Женя, тоже одетый и почему-то без паскудной победоносной ухмылки на губах.

– Щеколда на двери не предусмотрена специально? – язвительно поинтересовалась Тамара. – Чтобы иметь свободный доступ ко всем телам, которые попадают на твою удочку?

– Просто как-то руки не доходят, – немного смутился Женя.

– Куда им надо, туда они доходят, – отрезала Тамара и, бросив взгляд на зеркальное отражение своего соблазнителя, маячащего за спиной, спросила: – А телефон прихватил зачем? Собираешься отрапортовать друзьям об очередной победе? Или не терпится пригласить на свой день рождения новую доверчивую идиотку? Очень экономно! – Тамара запихнула щетку в сумочку и посмотрела Жене в глаза. – Шампанское ведь недопито, апельсины и конфеты не тронуты... Герой-любовник!

Фыркнув, она попыталась выскользнуть из ванной комнаты, но он преградил ей путь:

– Зачем ты так? Я просто звонил по делам, вот и все. – Поспешно сунув трубку мобильного в карман, Женя взмолился: – Послушай, я ведь ничего такого специально не замыслил. Думал познакомиться с тобой поближе, обменяться координатами, встретиться как-нибудь в другой раз...

– Считаю, что познакомился, – заверила его Тамара. – Только насчет продолжения даже не мечтай, его не будет!

– Ладно. Согласен. Но ведь ты позволишь мне отвезти тебя обратно? Я привык выполнять свои обещания.

– Плевать мне на твои привычки!

Взгляд, брошенный Тамарой на часы, подсказал ей, что Виталий, по всей видимости, уже возвратился домой и теперь ждет не дожидается свою единственную и ненаглядную женушку, которая обещала явиться не только с обновлениями, но и с какими-нибудь деликатесами. Не следовало обманывать его ожидания хотя бы в этом. Да и добираться домой на метро Тамаре не очень-то хотелось. Ноги у нее до сих пор были слабоваты в коленках, как в детстве, когда нашкодишь тайком, а потом еще долго не можешь прийти в себя после пережитого восторга и ужаса.

– Подбросишь меня куда-нибудь поближе к дому, – распорядилась она, не считая нужным подпустить в фразу даже намек на просительную интонацию. Если уж тобой попользовались бесплатно, то сумей отыгаться в мелочах.

– А где ты живешь? – оживился Женя.

– На Старом Арбате, – ответила Тамара.

– Вот как? – Женя показался ей приятно удивленным. – Неплохо устроилась. Там ведь, говорят, жилье о-ого-го сколько стоит.

– Тебя это не касается!

– Не касается так не касается, – примирительно сказал Женя, выпуская Тамару из ванной. – Кофейку попьем на дорожку?

– А какой у тебя?

– «Чибо». Настоящий, бразильский.

Тамара усмехнулась:

– Прибереги свой замечательный кофе для алчных подружек, которые охотятся за твоим состоянием. Больше ведь охмурять их тут нечем.

Она выразительно покосилась на кусок отклеившихся обоев в прихожей. Допотопные ромашки вперемишку с поблекшими от времени васильками. Этим обоям было лет двадцать, не меньше, а менять их никто не собирался.

Проследив за Тамариным взглядом, Женя прищурился:

– Да ты знаешь, сколько стоит мой «Трибьют»?

– Если он действительно твой, а не взят напрокат, – поддела его Тамара и раздраженно подергала дверную ручку. – Ну, открывай, именинничек, хватит трепаться. Лично мне пускать пыль в глаза совсем не обязательно. Ты уже и так получил свое.

– Это еще как сказать, – пробормотал Женя.

Тамара, которой не слишком понравился его тон, вскинула взгляд:

– Что ты имеешь в виду? Непонятливых предупреждаю еще раз: новых поводов для встреч у нас больше не будет.

– Как скажешь, – пожал плечами Женя.

Поскольку он возился с дверным замком, Тамара не могла видеть выражение его лица, но почему-то ей показалось, что он улыбается. Совсем не так обаятельно, как на освещенной солнцем улице. Гаденько. Многообещающе.

– Знаешь, я, пожалуй, доберусь сама, – внезапно решила Тамара и попыталась оттолкнуть хозяина квартиры, чтобы выйти на лестничную площадку первой.

Тут он обернулся, его широко открытые синие глаза были полны обиды и неподдельного возмущения:

– Ты что? – воскликнул он. – Я же не набиваюсь к тебе в любовники, раз тебе это неприятно. Просто... – Женя замялся. – Хочу побыть с тобой еще немного. Мне... мне почему-то трудно с тобой расстаться.

– Придется, – проворчала Тамара, но немного успокоилась.

Как только она вырвалась в подъезд и дверь проклятой квартиры захлопнулась за ее спиной, недавнее приключение перестало казаться ей таким уж ужасным. Виталик все равно ничего не узнает, а коли так, то ничего как будто и не было. Ну, привиделась девушке какая-то ерунда, так разве она в этом виновата? И разве от этого ее любовь к мужу уменьшилась? Нет, нет, тысячу раз нет! Очень даже наоборот!

– Давай поторопимся, – попросила она, спускаясь по лестнице следом за неспешно трусящим вниз Женей.

Он оглянулся на нее через плечо и подмигнул:

– К благоверному спешишь? Одобряю. – И снова в его голосе почудилось что-то нехорошее, что-то такое, отчего Тамара отчетливо ощутила, что с левой стороны груди у нее находится сердце, и оно, это сердце, такое тяжелое, словно его незаметно подменили камнем.

4

Скрыть от Виталия случившееся не удалось. Слишком много навалилось всякого, чтобы пытаться юлить, врать, выворачиваться. Как будто неимоверной тяжестью, свалившейся откуда-то из поднебесья, накрыло. Хлоп, и готово. Шок, боль, гнетущее осознание своей полной беспомощности. И нет даже самой слабой надежды на то, что все самое худшее уже позади.

Когда Тамара пыталась оценить свое положение, ничего позитивного в голову ей не приходило. Она буквально ощущала себя раздавленной лягушкой, наивно возомнившей себя царевной. Чудо-джип утюгом прошелся по ней, по ее судьбе, по ее близким. Его комфортабельный салон оказался западней, в которую, как известно, попадают по доброй воле. Для того чтобы превратиться в чью-то добычу, достаточно заинтересоваться приманкой, а остальное – дело техники. Именно так все произошло с Тамарой.

После того как она со своим так называемым бойфрендом вышла из дома и уселась в белоснежный «Трибют», дверца мышеловки захлопнулась окончательно. С этого момента события начали разворачиваться стремительно и неотвратимо, как стихийное бедствие. Позже, вспоминая, как все это происходило, Тамара обнаруживала, что некоторые эпизоды совершенно вылетели из ее головы, а другие, напротив, запечатлелись в памяти необыкновенно живо и по-киношному ярко. Слишком ярко. Стоило лишь закрыть глаза, и вся эта карусель принималась вертеться перед мысленным взором снова и снова...

Вот простирается далеко вперед широкая городская магистраль. Стройные ряды фонарных столбов, полноводье разномастных машин, людские потоки на тротуарах. Человеческие фигурки такие серые, такие затрапезные, такие маленькие в сравнении с полубогами, обитающими на рекламных щитах. Полубоги, безмятежно смеясь, смакуя виски, кофе, дорогой табак. У них безупречно чистая одежда, идеальные волосы и денежные счета в солиднейших банках. Когда Тамара смотрит на них, ей становится стыдно за то, что она такая, какая есть. Поэтому она предпочитает скользить по рекламным небожителям невидящим взглядом. Так легче жить.

День клонится к вечеру, жара спадает, воздух кажется чистым и свежим, хотя, разумеется, это просто иллюзия. В пустынях случаются миражи, а в Москве выдаются вот такие минуты, когда ты дышишь полной грудью, забывая о том, что пространство на десятки километров вокруг пропитано бензиновой гарью. Вдох-выдох, вдох-выдох. Где-то Тамара читала, что каждому человеку отмерено определенное количество сокращений диафрагмы. Если так, то странно как-то все придумано. Дышишь, чтобы жить, но этим же приближаешь свою смерть?

Нет, лучше о таких вещах не задумываться. Брать пример хотя бы со спутника. Таким, как он, которые существуют без лишних комплексов и рефлексий, нынче раздолье, и, судя по Жениному выражению лица, он это отлично понимает. Лихо крутит баранку, выставив локоть в открытое окно, а ветер, врывающийся внутрь салона, не в силах растрепать его набриолиненную прическу. Точно так же не способны привести его в смятение чужие проблемы.

Что ж, решает Тамара, она ничем не хуже. Зачем отравлять себе жизнь никому не нужными терзаниями? Гораздо приятней и проще наслаждаться, чем переживать по каждому пустяку. Ну, изменила, с кем не бывает? От нее не убудет, а от Виталия тем более. Какой-то умный человек, которого попрекнули неверной женой, лишь усмехнулся: «Лучше кушать торт в компании, чем жрать дерьмо в одиночку». Муж, конечно, вряд ли оценит по достоинству подобную шутку, но его совсем не обязательно посвящать в подробности сегодняшнего Тамариного времяпровождения. У каждого своя жизнь. Одна, между прочим. Так что живи и радуйся, Тамарка, радуйся и живи!

Однако настроение от этого простого заклинания не улучшается. Динамики выдают один хит «Мумий Тролля» за другим, а в Тамарину душу впервые закрадывается подозрение, что

ничего особенного в них нет. Зачем мяукать, если ты по паспорту взрослый гражданин мужского пола, а не какой-то там кошачий самец? И для чего тиражировать свой бред, когда ты пары фраз не в состоянии связать и уж тем более зарифмовать их худо-бедно?

Тут все более раздражающая Тамару музыка смолкает, а вместо нее звучит встревоженный Женин голос. Морщась, он массирует левую сторону груди и просит Тамару сменить его за рулем. «Такой молодой, а сердце уже ни к черту», – улыбается он виновато. Когда Тамара, имеющая весьма туманный опыт вождения, начинает испуганно отнекиваться, Женина улыбка превращается в болезненную гримасу. Он говорит, что ближайшая аптека, где можно приобрести нитроглицерин, находится в пятистах метрах прямо по курсу. Тамаре нужно лишь занять водительское место и медленно-медленно катить вдоль тротуара. А он, Женя, не способен сейчас даже на такую малость. Ему, Жене, очень худо. Он, возможно, коньки вот-вот отбросит из-за Тамариного упрямства.

Что делает Тамара, вместо того чтобы высунуться из остановившегося джипа и позвать людей на помощь? Она выходит, огибает автомобиль и решительно распахивает водительскую дверцу, ловя на себе взгляды прохожих. Девушкам ведь так хочется попасть в сказку, и они туда попадают, не задумываясь о том, что у современных сказок счастливых концов не бывает. Так что Тамара, ощущая себя принцессой, втискивается за руль, ставит босоножку на педаль газа и потихоньку трогает с места.

Подробности недолгой езды совершенно вылетели из ее головы, хотя, по идее, именно она могла бы стать единственным приятным воспоминанием о том роковом дне. Кажется, Тамара немного огорчилась, что они добрались до аптеки чересчур быстро – забыв обо всем на свете, она с упоением правила джипом и была готова ехать так хоть целую вечность. Но для полного счастья людям отмерено гораздо меньше – мгновения, секунды, в лучшем случае – минуты. Потом чаще всего следует расплата, о которой как-то не задумываешься, пока цена не определена и судьба не предъявила счет.

Итак, не думая ни о чем плохом, Тамара послушно притормозила в указанном месте и (в который уже раз!) поверила красавчику Жене, который попросил ее не беспокоиться – он, мол, сходит в аптеку сам, потому что ему унижительно просить девушку о такой малости.

И вот она, дура душой, сидит в чужом джипе, машинально барабанила пальцами по рулю, поглядывая то на браслет часов, то на людей, которые, к ее глубокому разочарованию, не могут видеть ее за тонированными стеклами. Жени все нет и нет. Когда она уже решает отправиться за ним следом, обе передних дверцы внезапно распахиваются и онемевшую от ужаса Тамару хватают с двух сторон здоровенные мужики в камуфляже.

Собровцы? Омоновцы? Она так и не запомнила, кем они ей представились. Потому что сначала один из них отвесил ей весомую оплеуху («Не рыпаться!»), а второй выволок на асфальт («Замри, замри тебе сказано!») и сковал ее запястья наручниками.

Мат-перемат, обжигающие взгляды зевак, грубые толчки в спину, задающие скорость и направление движения. Забранное решетками нутро микроавтобуса, провонявшего нездоровым потом и блевотиной... В руках у охраняющих Тамару мужчин короткие автоматы с потертыми прикладами, на ногах у них высокие шнурованные ботинки. Подошва одного из них наступает на Тамарины пальцы, когда она пытается подняться с заплыванного пола: «Лежи смирно, шалава!» Через несколько минут другой ботинок лениво пинает ее в бок: «Выгружайся, курва, приехали!» Значит, добрались до отделения милиции – это она сама догадалась, без посторонней подсказки.

И был невзрачный кабинет, а в нем – гражданин начальник, совершенно безбровый, но зато при пшеничных усах подковой. Ошеломленная Тамара следила, как шевелятся эти усы, пока следователь вводил ее в курс дела, а смысл сказанного доходил до нее с превеликим трудом, наполовину. Оказывается, она угнала иномарку у некоего Медведевского Евгения Константиновича, но тут же была застигнута на месте преступления и арестована благодаря опе-

ративным действиям милиции. На воровку, Тамару Петровну Роднину, урожденную Ледневу, завели уголовное дело, в котором фигурируют ее отпечатки пальцев, показания потерпевшего, его друзей и многочисленных свидетелей. Все вместе тянет на пять лет строгого режима. А чтобы гражданка Роднина не думала, что с ней шутки шутят, ночь она проведет в следственном изоляторе, вместе с такими же преступницами, как она сама.

– Деньги, ценные вещи имеются? – любопытствовал усатый, черкая что-то в бланке протокола.

– Обручальное кольцо... цепочка... двадцать семь тысяч рублей, – начала перечислять Тамара, но была остановлена повелительным:

– Открой сумку, тварь! Содержимое на стол!

Это распорядился еще один милиционер в штатском, непонятно как очутившийся за Тамариной спиной. От него исходила такая мощная аура угрозы, что у Тамары заломило в затылке.

– Вот, пожалуйста...

Она вывалила из сумочки все, что там находилось, и вопросительно посмотрела на милиционеров: что дальше?

– Денег при задержанной не обнаружено, – продиктовал товарищу тот, который устроился за Тамариной спиной. При этом он небрежно сгреб со стола все три банковские упаковки рублей и сунул их в ящик стола.

– Но... – пискнула Тамара.

– Молчать! – рявкнул оперативник, срывая с ее шеи цепочку. – Снимай кольцо, живо!.. Так, Шумихин, фиксируй: драгоценных или ювелирных изделий у задержанной при себе также не имеется.

– «Также» вместе пишется или отдельно? – деловито осведомился усатый.

– Вместе, – машинально подсказала Тамара и вдруг взвилась со своего стула: – Да вы что?! Как вы смеете?!

– Соппротивление сотрудникам правоохранительных органов, – оживился второй милиционер и умело ударил Тамару по почкам. – Ты мне тут права не качай, сука дешевая. Еще один такой фортель – и на хор поставлю в «обезьяннике». Алкаши и бомжи мне только спасибо скажут... Ну что, были у тебя при себе деньги или ценности? Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Не было! – простонала Тамара, которой никак не удавалось ни распрямиться, ни хотя бы опуститься на стул.

Занесенный кулак неохотно разжался:

– Ладно, тогда подпишись... здесь и здесь... Фамилия, имя, отчество полностью... Дата... Все, на выход!

Ночь, проведенная в камере с троицей давно не мывшихся бабенок, показалась Тамаре бесконечной. На деревянной платформе, которая служила здесь общим ложем, новенькой места не нашлось. Ей пришлось ютиться, скорчившись, на холодном цементном полу, но зато удушающего смрада внизу было поменьше. И все равно, когда утром Тамару повели на новый допрос, она уже казалась себе грязной, вонючей тварью, с которой милиционеры вольны делать все, что им взбредет в голову.

Тем утром им вздумалось устроить Тамаре свидание с адвокатом потерпевшего, и тот, поигрывая платиновой зажигалкой, вкратце обрисовал собеседнице ситуацию:

– Дела ваши неважные, девушка. Если оставить в стороне всякие юридические тонкости, то вы оказались в самом глубочайшем анусе, который только можно себе вообразить. – Адвокат мечтательно зажмурился. – Через пару недель получите свой срок, и сами не заметите, как превратитесь в заправскую эчку. Платочек, черная роба, вместо белишка – какое-нибудь тряпье, кишачее клопами и вшами...

– Но я не виновата! – закричала Тамара, которой после ночи, проведенной в изоляторе, представить такую картину было совсем не сложно.

– Это меня не касается, – сухо ответил адвокат, распространявший вокруг себя запах набальзамированной мумии. – В сущности, причины, побудившие вас оказаться за рулем не принадлежащего вам транспортного средства, уже никого не интересуют. Важен сам факт. Вам вздумалось покататься, и вы покатались. Пришло время возить саночки.

– Какие саночки? – У Тамары сорвался голос, а в глазах набухли слезы.

– Это я образно выражаюсь, – пояснил адвокат, продолжая клацать своей зажигалкой. – Но, если вам угодно, оставим иносказания в стороне и будем изъясняться, э-э, более конкретно. Так вот, де-юре вам придется отбывать срок, это совершенно очевидно. Но де-факто все же имеется малю-у-у-сенькая лазейка, – иллюстрируя сказанное, он сложил пальцы колечком, – лазейка, через которую у вас есть шанс выбраться на свободу. – Зажигалка пронзила колечко насквозь, после чего возобновила свое беспрестанное: клац-клац-клац.

Воображение у Тамары работало в тот момент плохо, поэтому единственный вопрос, который она сумела выдать, прозвучал так:

– Мне придется... спать с вами?

– Боже упаси! – Отпрянувший адвокат едва не опрокинулся вместе со своим стулом. – Что за чушь взбрела вам в голову!

– А что же тогда? – растерялась Тамара.

– Вы должны переговорить с истцом и убедить его забрать заявление.

– С Женей? Но он же все врет, он...

– Евгений Константинович, насколько мне известно, глубоко переживает случившееся. – Напыжившийся адвокат походил на токующего глухаря, который не слышит никого вокруг, кроме себя самого. – Но он согласился встретиться с вами, протянуть, так сказать, руку помощи. И если вы оправдаете его ожидания, дело будет улажено в частном, а не в судебном порядке. Вы готовы к переговорам?

– Разве вы не видите, что я теперь на все готова!

Стоит ли удивляться тому, что Тамара изъявила согласие, не колеблясь ни секунды? Уж очень ей не хотелось возвращаться в вонючую камеру или продолжать знакомство с оперативными работниками милиции. И Тамаре охотно пошли навстречу, устроив ей свидание с Женей, который, оказывается, ожидал за дверью.

Но беседовал с Тамарой он не с глазу на глаз, а в присутствии своего товарища – совершенно отвратного типа с расплюснутыми губами и ушами. Тамаре, попытавшейся взывать к Жениной совести, этот тип пообещал вывернуть матку, после чего в беседу некоторое время не включался, ограничиваясь старательным пережевыванием мятной резинки.

Вальяжно расположившийся напротив Тамары, Женя оценил свой моральный ущерб по столичным расценкам – двести тысяч рублей, и ни копейкой меньше. Тамара прекрасно понимала, что ее попросту «разводят» самым примитивным и наглым образом, но воли сопротивляться у нее уже не было.

– Ладно, я согласна, – произнесла она механическим тоном.

– Молодец, – кивнул Женя, глаза которого отливали теперь не синим, а металлическим блеском. – Тогда с тебя возмещение морального ущерба плюс триста штук компенсации за ремонт тачки. Итого пол-«лимона» рябчиков. Долговую расписку на всю сумму оформляем прямо сейчас, не отходя от кассы. Приглашать нотариуса? Или ты предпочитаешь беседовать с майором Березюком?

У Тамары едва осталось сил, чтобы возразить слабым голосом:

– Почему ремонт? Я же ничего не сломала!

– Ты тут из себя умирающую леблядь не корчь, – посоветовал приплюснутый Женин товарищ. – Влетела на бабки – плати. Не хочешь платить – садись на кичу. Все, разговор короткий.

– У меня нет таких денег, – прошептала Тамара.

– Какого-то паршивого «лимона» нет? – фальшиво удивился приплюснутый. – Нищает нация.

– Почему «лимон»? Разговор ведь идет о пятистах тысячах рублей!

– *Шел* о пятистах тысячах. Столько же нам придется отстегнуть ментам, чтобы замяли дело. Всего получается миллион. Такой вот дебет с кредитом.

– Да вы что?! Мы с мужем вместе за год такую сумму не заработаем!

– Тогда кошелку свою сдавай в аренду, – милостиво разрешил приплюснутый. – Сроком на десять лет. Зато Турцию повидашь, Грецию...

– Албанию, – подхватил Женья, – а то и Таиланд... Нет, Клим, эта идея никуда не годится. Она же там, – он ткнул в Тамару пальцем, – загнется с непривычки в первые же дни, а мы потом башли как вынимать будем?

– Тогда пусть платит сразу, – согласился приплюснутый Клим после недолгого раздумья. – Сроку ей десять дней, до конца мая. Или ты, крыса, – он смерил Тамару тяжелым взглядом, – предпочитаешь на зоне пятерик мотать?

– Нет денег, – повторила она с отчаянием. – Ну нет у меня таких денег, как же вы не понимаете! Где я достану миллион за полторы недели?

– А хата на Арбате? – удивился Женья. – Оформим ее как залог и дело с концом. Верно я говорю, Клим?

Мнением Тамары никто не поинтересовался, но оно у нее все же было, хотя какое-то вялое, неживое.

– Я не стану отписывать вам квартиру, – сказала она почти равнодушно. – Все равно это ничего не даст. Ответственный квартиросъемщик – мой муж, а не я.

– Ладно, пусть толкают хату сами, – решил Клим, выплевывая жвачку на пол милицейского кабинета. – Но займ все равно оформим, чтобы все путем. Ты как, соска, согласна?

– Я не соска. – Тамарин шепот походил на шелест увядшей листвы.

– А кто же ты? – искренне удивился Клим, по-хозяйски впуская в кабинет толстячка с кейсом.

И все равно Тамара с ним не согласилась. Всю глубину своего падения она осознала лишь полчаса спустя, когда вся бандитская гоп-компания удалилась, уступив место законному обитателю кабинета – усатому, но безбровому капитану Шумихину.

– Еще одна небольшая формальность, и можешь быть свободна, – весело сказал он, прохаживаясь перед Тамарой.

– Я должна дать подписку о невыезде?

– На кой ляд она мне сдалась, твоя подписка? – отмахнулся капитан. – Дело-то закрыто, вернее, почти закрыто.

– Что же тогда? – насторожилась Тамара.

– Я же сказал: маленькая формальность.

– Какая именно?

– Догадайся с трех раз, – захихикал Шумихин, расстегивая ширинку.

Глава 4

Кто хочет стать миллионером?

1

– У меня такое впечатление, что ты чего-то не договариваешь, – пожаловался Виталий, выслушав Тамарин рассказ в очередной раз.

Прежде чем ответить, она спрятала лицо на его груди:

– Какой смысл утаивать что-то, когда ты знаешь самое главное? Я же сама тебе во всем призналась, разве не так?

– Просто у тебя не было выхода.

Возразить на это было нечего. Да, у Тамары не было выхода. Выпущенная из милиции и очутившаяся на улице без копейки денег, она добиралась домой пешком, растерянная, подавленная, прячущая глаза от прохожих. На нее навесили огромный долг, и она брела по городу ссутулившись, как будто и в самом деле несла на себе тяжкую ношу.

Переступив порог квартиры, Тамара отчасти переложила непосильное бремя на плечи мужа и брата, но рассказать все, что приключилось с ней в милиции, она так и не решилась. «Маленькая формальность», которую предложил ей выполнить капитан Шумихин перед выходом на свободу, оказалась самой унижительной процедурой за всю ее жизнь. Теперь всякий раз, когда Тамара вспоминала об этом, ей хотелось купить пистолет и научиться стрелять. Мечта о собственном автомобиле отошла на второй план.

– Знаешь, – прошептала она, прижавшись щекой к груди мужа, – я бы поубивала их всех к чертовой матери.

– Кого? – Голос Виталия доносился до нее гулко, как из бочки.

– Женю, его дружка с бандитской рожей, адвоката с нотариусом, ментов этих поганных. Все они заодно. Система раскрутки доверчивых идиотов, вроде меня, отлажена и поставлена на поток. Неужели этому нельзя положить конец?

– Лучше думай о том, где взять деньги, – угрюмо посоветовал Виталий.

– Да я думаю, думаю, – поморщилась Тамара. – Голова уже пухнет от мыслей.

На самом деле гадать тут было нечего. Существовал только один реальный вариант решения проблемы, и назывался он «риэлторская контора», никак иначе. Но настаивать на продаже квартиры Тамара не смела. Виталий и сам принял решение, это было заметно по выражению его лица – окаменевшему, пасмурному, повзрослевшему сразу на несколько лет. Тамаре оставалось лишь обнимать его крепко-крепко и надеяться на то, что со временем весь этот кошмар забудется, как страшный сон.

– Милый ты мой, – прошептала она, раздвигая губами волосы вокруг соска на груди мужа.

– Черт!

Он подскочил на диване так резко, что у расслабившейся Тамары клацнули зубы.

– Ты что? – возмутилась она.

– Серега вернулся.

Еще до того как отворилась и захлопнулась входная дверь, Виталий успел запрыгнуть в джинсы и, не застегивая «молнию», уселся на диване с наспех раскрытой книгой на коленях. Тамара тоже кое-как натянула на себя валявшуюся в ногах футболку, но их расторопность заслужила лишь ироничного взгляда вошедшего Сергея:

– Вы как какие-то кролики, честное слово. Больше нечем заняться?

– Вот, «Мастера и Маргариту» перечитываю, – похвастался Виталий, заодно перевернув книгу так, чтобы не держать ее вверх ногами.

– Ой, что у тебя с бровью? – несколько преувеличенно заволновалась Тамара. – Опять дрался?

– Если считать дракой, когда тебя по кумполу железякой молотят, то да, – откликнулся Сергей. – А вообще-то, по-моему, это называется как-то иначе.

До призыва он был для Тамары не просто старшим братом, а вообще старшим по жизни. Иногда ей казалось, что в действительности он появился на свет лет на сто раньше, чем записано в метриках. Сергей многое знал, многое умел, а то, с чем сталкивался впервые, постигал интуитивно, по наитию. Он почти никогда не повышал голоса и не выдавливал из себя дежурных улыбок, если ему рассказывали анекдоты, которых терпеть не мог. Он вообще на дух не переносил излишне болтливых людей и предпочитал отмалчиваться в шумных компаниях. Зато, когда требовалось что-то сказать по делу, он говорил напрямик, без уверток, а данное им слово стоило дорого.

Тамара боготворила бы брата, если бы, возвратившись из армии, он добровольно не избрал роль неудачника. Времена наступили такие, когда каждый должен уметь вертеться, юлить, приспосабливаться, а Сергей не желал. Нет, он не опустил, не утратил прямоты взгляда и четкости суждений – такие мужики просто не умеют быть жалкими. Даже в ту пору, когда у вернувшегося из Чечни Сергея случались запои, он обязательно был чист, опрятен и гладко выбрит, а движения его оставались подчеркнуто выверенными и точными. Но ему было уже под тридцать, и гитара в его руках казалась все более неуместной. Как и каждая новая ссадина на лице.

Сколько Тамара помнила брата, он постоянно ходил в боевых отметилах, потому что вечно отстаивал какую-то свою высшую справедливость, которая окружающим была не по нраву. Опять же, занятие не для взрослого мужика. Взрослые мужики на жизнь себе и близким зарабатывают, а не по переходам глотку дерут.

– Что у тебя опять стряслось? – спросила Тамара голосом покойной матери, прорезавшимся у нее в минуты недовольствия.

– Ты, между прочим, футболку наизнанку напялила, блюстительница нравов, – парировал Сергей.

Гитару он поставил в угол, а сам уселся напротив родственников, как будто давно их не видел и хотел рассмотреть получше. Правая половина его рта была приподнята, что являлось экономичным эквивалентом улыбки. А вот когда Сергей улыбался левым уголком губ, от него было лучше держаться подальше.

Виталий отложил томик Булгакова, как бы невзначай застегнул джинсы и, прокашлявшись, поинтересовался:

– Слушай, ты хлеба принес, шурин? Жрать охота – просто спасу нет.

– Звал бы меня деверем для разнообразия, – предложил Сергей, продолжая скупно улыбаться каким-то своим тайным мыслям.

– Деверь – это брат мужа, – возразил Виталий, поднаторевший в разгадывании кроссвордов. – А ты являешься братом моей жены.

– Жаль. Деверь звучит лучше.

– Слушай, хватит морочить мне голову! Хлеб купил?

– Нет, – признался Сергей безмятежно. – Зато я принес кое-что другое. Надеюсь, нас всех ожидает приятный сюрприз.

– Да? – Виталий и Тамара одновременно подались вперед. В этот момент они напоминали детишек, нетерпеливо ожидающих чуда.

– Угу. Вот.

Из руки Сергея вырвалась увесистая барсетка и плюхнулась на диван между супругами.

– Что в ней? – воскликнули они почти одновременно.

– Сам пока не знаю. Сумка принадлежала одному джигиту, у которого только золота на руках было штуки на полторы баксов.

– Ты ее... – У Тамары сделалось так сухо во рту, что она не сумела довести начатую фразу до конца.

Губы Сергея затвердели.

– Хочешь сказать, что я украл эту поганую сумку? Ты ошибаешься, сестренка. Воровство – это когда вещи похищают у живых.

– А этот джигит, о котором ты говоришь, он... – Новый Тамарин вопрос тоже оборвался на полуслове.

– Ну, – подбодрил ее Сергей, – что же ты умолкла, сестренка? Продолжай.

– Он... Он мертв?

– Еще как.

– Так, значит, ты... ты...

– Только заик нам в роду не хватало, – заметил Сергей, на лице которого снова возникла полуулыбка, но уже недобрая, та, которая затрагивала левую половину его лица. – Если ты думаешь, что я грабитель или убийца, то ты глубоко заблуждаешься. Поступок, который я совершил, называется скорее мародерством. – Дав сестре и ее мужу возможность хорошенько усвоить услышанное, Сергей сузил глаза. – Но, прошу учесть, первым согрешил не я, а, как это повелось с сотворения мира, женщина. Я лишь пытаюсь исправить твои ошибки, сестренка.

Тут Виталий счел нужным горько усмехнуться, а Тамара спрятала глаза под опустившимися ресницами.

– Не жеманничай, сестренка, – посоветовал Сергей. – Лучше открой барсетку и погляди, что там внутри.

– Откуда взялся этот джигит? – деловито осведомился Виталий, отбирая находку у замешкавшейся жены. – И кто его убил?

– Сукины кожи в переходе буянили. – Сергей нахмурился. – Там многим досталось, а этому, – он кивнул на сумку покойника, – больше всех. Кстати, я не уверен, что он был с Кавказа. Слишком смуглый для грузина или осетина. Прицепи такому бороду, и получится вылитый бен Ладен ибн Мухаммед. Я в Чечне на таких пару раз нарывался. Звери.

– Не стоит хаять всю нацию огульно, – наставительно произнес Виталий, возясь с замками сумочки. – У каждого народа есть свои хорошие и свои плохие... Фьють! – изумленно присвистнул он, вынимая внушительную пачку долларов. – Да тут тысяч пять, как минимум!

Блеск в Тамариных глазах угас.

– А нам нужно раз в шесть больше. Слушай, Сережа, там в переходе больше трупов не осталось?

– Разве что нам самим там лечь рядом, – неуклюже пошутил брат, который не был силен по части юмора. – Только, чур, как главный затейник, пример подавать будешь лично.

Бросив на него испепеляющий взгляд, Тамара отправилась переодевать футболку.

2

Когда она, машинально поправляя влажные волосы, вышла из ванной, выпотрошенная барсетка валялась на диване, а брат и муж сидели за столом, изучая ее содержимое.

– Семь с половиной тысяч долларов и десять тысяч рублей, – радостно доложил Виталий, обернувшись на жену.

– И ровно пять дней до расчета с этими ублюдками, – напомнила Тамара.

– Этого должно хватить, – пробормотал Сергей, перебирая какие-то бумаги.

– Да ты что! – не поверила своим ушам Тамара. – Ты хоть знаешь, какой сейчас курс?

– Я имею в виду не деньги, а время, сестренка. – Сергей вскинул глаза, чтобы подмигнуть ей, и вновь занялся бумагами. – У времени, слава богу, курс неизменный во веки веков, аминь.

– Покойника звали Азлатом Салмановым, – вмешался Виталий. – Вот справки. Если им верить, то он был беженцем из Чечни.

– Если *им* верить, – жестко сказал Сергей, явно подразумевая не документы, – то через десяток-другой лет в стране ни одного русского не останется, всех вырежут.

– Абсурд! Чеченцы – дикари, а у нас регулярная армия, – привычно возразил Виталий, которому было не впервой затевать подобные диспуты.

– Армия, которая раз в месяц рапортует об уничтожении кучки обкуренных боевиков, а остальное время груши на генеральских дачах околачивает, только для парадов годится. – Сергей растянул губы в той самой кривой полуулыбке, с которой готов был ввязаться как в спор, так и в драку.

– Мальчики! – взмолилась Тамара. – Сколько можно, ну! Как депутаты какие-то, честное слово! Еще за грудки друг дружку хватать начните! Лучше скажите, что делать будем?

– Для начала – ужинать, – распорядился Сергей, отсчитывая сестре тысячу сторублевыми купюрами. – Потом поговорим. Кажется, у меня возникла неплохая идея.

Виталий насупился:

– А по-моему, нужно просто изловить этого мутного Евгения, морду ему хорошенько начистить и отобрать расписку. – Покосившись на жену, он добавил: – Потом еще хорошенько вломить гаду, чтобы неповадно было.

– Отличный план, родственник, – кивнул Сергей.

– Вот я и говорю! Адрес мы знаем, номер машины тоже...

– Надо бы еще уточнить номер отделения милиции, где раскручивали Томку, – озабоченно добавил Сергей.

– При чем здесь милиция?

– А при том, что нас с тобой упекут туда за злостное хулиганство или, бери выше, за вымогательство. Пока мы будем там париться, на Томку «наедут» по полной программе и отберут у нее все, вплоть до последних памперсов.

– С чего ты взял, что я пользуюсь памперсами? – возмутилась Тамара.

– Метод дедукции, – невозмутимо пояснил Сергей. – Взрослый человек не способен вести себя как малое дитя. Следовательно, до прокладок с крылышками ты еще не доросла.

– Вот-вот! – подтвердил Виталий, который очень болезненно воспринимал все, что касалось перво-причины обрушившихся на семью неприятностей.

– Дураки! – стиснув в кулаке деньги, Тамара направилась к выходу, отбивая босыми пятками самую раздраженную дробь, на которую только была способна. – Думала водки вам по такому случаю купить, – мстительно заявила она, обернувшись у двери, – а теперь даже бутылки пива от меня не дождетесь!

– Тогда бери дюжину, – бросил ей вслед Сергей, на которого женские выходки действовали примерно так же, как и женские чары – то есть никак.

3

Со съестным расправились в два счета, потому что успели изрядно проголодаться. К шести бутылкам «Оболони», выставленным Тамарой, отнеслись вдумчиво: половину оприходовали за ужином, а остальное оставили на потом, для продления удовольствия.

Тамара, обрядившаяся по случаю пиршества в свою самую лучшую маечку цвета морской волны, немножко кокетничала, но больше слушала. Виталий тоже внимал Сергею, не забывая при этом перемалывать зубами креветки, безостановочно, подобно неутомимому агрегату, который забыли выключить. Гора розовой шелухи росла перед ним столь стремительно, словно к концу вечера он намеревался скрыться за ней с головой, как за бруствером окопа. А Сергей больше налегал на пиво, не забывая сдабривать каждый второй глоток сигаретным дымом.

– Мне видится два варианта, – рассуждал он, крутя в пальцах высокий бокал, наполненный янтарной жидкостью с шапкой пены. – Первый и наиболее привлекательный – месть.

– Это хороший вариант, – заметила Тамара тоном ведущей телеигры «Слабое звено». – Лично мне он нравится.

– Да, – согласился Сергей. – Зрелищно, эффектно, круто – как в кино. Негодяи наказаны, положительные герои, усталые, но довольные, возвращаются домой.

– Что же в этом плохого? – насторожился Виталий, не уловивший в голосе шурина ни единой оптимистической нотки. Сплошной сарказм, сдобренный язвительной иронией.

– Плохого в этом ничего нет, дорогой родственник. Проблема состоит в том, что кино и жизнь не имеют почти ничего общего. Возьмем, к примеру, ментов реальных, а не телевизионных, всенародно любимых. Так вот, голову даю на отсечение, что у доблестного майора Березюка и не менее доблестного капитана Шумахера...

– Шумихина, – подсказала Тамара. В ее глазах вспыхнули и погасли две точки, яркие, как искры.

– Пусть будет Шумихин, – согласился Сергей, неодобрительно покосившись на сестру. – Так вот, у твоих знакомых милиционеров...

– Они не мои!

– ... у твоих знакомых милиционеров обязательно припрятано заведенное на тебя дело. Пусть шитое белыми нитками, пусть насквозь фальшивое, но официально законное, а потому способное искалечить твою жизнь. Стоит нам только рыпнуться против этой шайки-лейки, и бац! – пожалуйста-ка, гражданин Леднева...

– Она теперь Роднина по паспорту, – напомнил Виталий, выискивая креветку пожирнее.

– ...на нары, – машинально закончил Сергей, после чего повысил голос: – Слушайте, товарищи молодожены, вы так и будете меня без конца перебивать? Если языки чешутся, то пообщайтесь между собой, а я пока подожду, пиво попою. – Он демонстративно присосался к своему бокалу.

– Молчим, молчим, – откликнулась Тамара за себя и за своего мужа. – Выкладывай свой второй вариант.

– Я еще первый не закончил, – проворчал Сергей, после чего опять сосредоточил внимание исключительно на пиве и лениво тлеющей сигарете.

Супругам, переставшим для него существовать, сделалось неуютно.

– Ну! – не выдержал Виталий, позабывший о креветочной тушке, которую так и не донес до рта. – Говори, не томи.

Ответа он дождался не раньше, чем бокал шурина был опустошен до дна, а догоревшая сигарета – самым тщательнейшим образом раздавлена в пепельнице. Покончив с этими неотложными делами, Сергей окинул взглядом притихших родственников и буднично произнес:

– Рассчитаться с Евгением и его командой нужно обязательно, но так, чтобы никто не заподозрил, что это наших рук дело. Займемся этим попозже. А сейчас наша первоочередная задача отвести наезд и сохранить квартиру. Возражения будут?

– Нет, – откликнулись супруги хором.

При этом Виталий ворошил рукой вареные трупки креветок, а Тамара больше интересовалась собственным отражением, проступившим в оконном стекле на фоне ночного неба.

– А предложения?

Супруги недоуменно переглянулись и покачали головами.

Иногда Сергею было трудно удержаться от улыбки, наблюдая за ними, но он все же предпочитал держать свои чувства при себе. Душа дана человеку не для того, чтобы постоянно держать ее нараспашку, как двери проходного подъезда. Иначе обязательно пройдутся грязными ногами, наплюют, напакостят...

– Так какой же ты видишь выход? – нарушил молчание Виталий. От даров моря остались лишь объедки, и теперь он был готов слушать шурина с удвоенным вниманием.

Сергей выдержал паузу, после чего ткнул большим пальцем через плечо и лаконично произнес:

– Выход там.

Тамара недоверчиво уставилась на гладкую кафельную поверхность за спиной брата:

– Хочешь сказать, что мы должны научиться проходить сквозь стены?

– Прятаться в навесных шкафчиках, – подсказал Виталий. – Среди банок с крупой.

Сергей улыбнулся правой половиной рта:

– Помните бумаги, которые я просматривал, когда мы сидели в гостиной?

– И что?

– Сейчас они лежат за этой стеной, – для наглядности последовал удар кулаком по фаянсовой плитке, – и ждут, когда мы удосужимся превратить их в деньги.

– Ты шутишь?

– Реже, чем хотелось бы. Но это вообще не тот случай.

– Сейчас принесу эти бумаги! – оживился Виталий.

– Сиди, родственник! – остановил его Сергей. – На такой загаженный стол даже предвыборную листовку кандидата в депутаты положить противно, не то что сверхсекретные документы.

– Сверхсекретные? – Уставившись на свое отражение в темном окне, Тамара принялась поправлять прическу. – Ой, как интересно!

– Айда в комнату, – предложил Виталий, заерзавший на своем табурете так активно, словно в запасе у него имелась еще не одна пара спортивных штанов.

– Сначала наведем порядок в кухне, – распорядился Сергей, вставая. – На твоей совести, родственник, свинарник, который ты устроил на столе. Сестренка займется посудой...

– А ты? – воскликнули супруги, и вновь их голоса прозвучали синхронно, почти в унисон.

– Я, так и быть, вынесу мусор, – сказал Сергей, показывая всем своим видом, как нелегко далось ему это мужественное решение. – Чтобы к моему возвращению тут все блестело, – широкий жест обвел кухню, – иначе будете ждать продолжения до утра. И еще одна убедительная просьба. – Обернувшись с сигаретой в зубах, Сергей взглянул на застывших посреди кухни супругов и прищурился: – Не устраивайте во время моего отсутствия брачные игрища, дожидитесь ночи.

– Ха! – громко воскликнула Тамара, когда дверь за братом захлопнулась. – Ишь, командир какой выискался!

Виталий тоскливо посмотрел на ее грудь, плотно обтянутую бирюзовой материей, вздохнул, нахмурился и принялся убирать со стола.

4

Пока на светящемся экране маячила физиономия диктора, никто толком телевизор не смотрел. Ситуация в корне изменилась, когда там возникла не кто-нибудь, а сама Аллегрова или даже Пугачева, сразу не разберешь.

Он придет ко мне, мой милый,
Я налью вина...

– Вином мужика в ее возрасте не очень-то заманишь, – философски заметил Виталий. – Тут водка нужна, да побольше.

В том, что годы мчатся мимо,
Не моя вина...

– А какая женщина была! – вздохнула Тамара. – Да, время никого не щадит.

Сергей отобрал у нее пульт, направил его на телевизор и убавил звук до минимума. Теперь певица могла лезть из кожи сколько угодно, но зрительские симпатии были уже не на ее стороне.

Взгляды супругов скрестились на бумагах, разложенных на столе. Несколько страниц скопированного машинописного текста, порядком замызганная справка с печатью, железнодорожный билет и мятый тетрадный лист с начерченным от руки планом местности. По мнению Сергея, этот нехитрый ассортимент стоил огромных денег. Виталий надеялся, что это действительно так, но не очень верил. Тамара, наоборот, верила, но не надеялась на благополучный исход затеи. Чтобы убедить обоих окончательно, Сергей был вынужден устроить повторение и закрепление пройденного материала, как в школе.

– Итак, – молвил он, – мы имеем на руках следующее. Во-первых, вот эта бумаженция, удостоверяющая личность покойного, якобы Азлата Салманова...

– Очень может быть, что так оно и есть, – вставил Виталий, глядя на справку.

– Ну и бог... вернее, черт с ним, – махнул рукой Сергей. – Не важно. Важнее другое. Сегодня этот беженец, носивший в своей барсетке приличную сумму денег, намеревался отбыть в Нальчик. – Он указал на билет. – Оттуда до Чечни рукой подать. А если конкретно, то до Грозного. Военные и журналисты утверждают, что там, как в Багдаде, все спокойно, но в это верится с трудом. Грозный уместнее сравнить с вулканом, притихшим перед очередным извержением.

– Далась тебе эта Чечня! – недовольно сказала Тамара. – Нам-то какое до нее дело?

Виталий подпрыгнул на своем стуле:

– Что значит: «какое нам до нее дело»? Она входит в состав России, и мы должны, наконец, навести порядок в своей республике. Не военный, подчеркиваю! – Он вскинул вверх прокурорский указательный палец. – Законный! Кон-сти-ту-ци-он-ный!

– Еще скажи: демократический, – скривился Сергей.

– Да, демократический!

– Либеральный.

– Вот именно!

– Что-то мне не доводилось видеть либералов с «калашами» и гранатометами, – усмехнулся Сергей, – но спорить не буду. Ну ее на хрен, большую политику, не к ночи будет помянута. Нам бы свои мелкие проблемы решить.

– Мелкие! – воскликнула Тамара с горькой усмешкой. – Знали бы вы, сколько мне пришлось натерпеться от этих ментов поганых!

– Сама виновата, – проворчал Виталий, вмиг растерявший весь свой патриотический запал. – Любишь кататься, люби и саночки возить.

– Ты говоришь словами того мутного адвоката, которого мне подослали бандиты! – возмутилась Тамара.

– Уж в этом он был прав.

– Даже так?

– А разве тебя запикивали в чужой джип силком?

– Но я не думала, что все так получится!

– Вот это-то и плохо. Голова человеку не для того дана, чтобы испытывать на ней всевозможные косметические средства...

Хлоп!

Ладонь Сергея обрушилась на стол, положив конец бессмысленным препираниям. Глядя в глаза то сестре, то ее мужу, он произнес:

– Пять дней – это очень короткий срок. Можно, конечно, прожить их ярко и интересно: бурно выяснять отношения, примиряться в постели, обсуждать политику, пожирать тоннами креветки... Но потом наступит время платить по счетам, и что тогда? Вы думаете, кто-то собирается давать вам поблажки? Вы верите в чудеса? – Удостоверившись, что Виталий и Тамара призадумались, Сергей продолжил, машинально вертя сигаретную пачку в руке. – Я ведь не случайно завел разговор о Грозном, ребята. Это единственный город в Чечне, где в мирное время мог понадобиться не один хлебозавод, не два, а как минимум пять. Хотя, конечно, их могло быть и больше.

– Ничего не понимаю, – честно признался Виталий. – При чем здесь какие-то хлебозаводы?

– На плане, который находился при Салманове, изображен именно таковой. – Взявшись пальцами за уголок тетрадного листа, Сергей поочередно поднес его к носу каждого из супругов. – Вот, читайте: «ХЛЕПЗАВОТ ПЯТ»... Остальные города в Чечне маленькие, там и до войны население было мизерным. В Грозном же проживало почти четыреста тысяч человек, и всем подавай хлеб. Доходит?

– Разве кавказцы не лаваш едят? – удивилась Тамара. – Это такие здоровенные пресные лепешки, их пекут в специальных печах, я сама по телевизору видела.

– Наверное, пекут, – согласился Сергей. – Наверное, даже едят без соли. – Его голос был настолько тих, настолько вкрадчиво-спокоен, что Тамаре сделалось не по себе. – Я рад, что ты у меня такая эрудированная, сестренка. Но сейчас придержи свои обширные познания при себе, пожалуйста. Ты уже имела возможность проявить себя во всей красе, а теперь хотя бы не мешай нам разбираться с дровами, которые ты наломала!

– Вот именно! – поддержал шурина Виталий. Всякий раз, когда он смотрел на Тамарину грудь, рельефно проступающую под тканью маечки, в нем просыпались собственнические инстинкты. И тогда слюна у него во рту делалась горькой, а тон становился желчным.

– Я продолжаю, – предупредил Сергей, снова приподнимая мятый листок с планом. – Будем исходить из того, что «хлепзавот пят» все же расположен в Грозном, тем более что вряд ли в России можно отыскать другой более-менее крупный город, в котором имеются такие достопримечательности, как блокпосты, развернутые воинские части и минные поля. – Он легонько постучал пальцем по плану безымянного городского квартала.

– Мины обозначены черепом с костями? – предположил Виталий.

– Нет. – Сергей коротко мотнул головой. – Это, по всей видимости, и есть «А-У-дробь-С-десять».

– Что за хреновина такая? Тестомешалка какая-нибудь? Пекарня?

– Ядерный заряд, – сухо произнес Сергей. – Судя по прилагающейся технической документации, он начинен двадцатью килограммами урана-235. Мощность взрыва 150 килотонн.

В наступившей тишине было отчетливо слышно, как переливисто бурчит желудок Виталия, взявшийся переваривать всю ту грудку креветок, которую он поглотил. Глаза Тамары приняли почти идеальную круглую форму. Полюбовавшись растерянными лицами супругов, Сергей закурил и спросил, шурясь то ли от дыма, то ли от удовольствия произведенным эффектом:

– Ну, какие будут мнения, товарищи? Что скажет маршал Жуков?

Пародируя Сталина, Сергей заговорил с грузинским акцентом, но Виталий, выбранный им на роль маршала Жукова, игры не поддержал.

– Ты предлагаешь нам сунуться в это осиное гнездо, вывезти оттуда боеголовку и загнать ее по дешевке каким-нибудь террористам? – ужаснулся он.

– А что? – поддел его Сергей. – Всего-навсего одна из республик Российской Федерации, где проживают законопослушные граждане, не имеющие никакого отношения к кучке бандитов, засевших в горах... Чего ты так разволновался, не понимаю?

– Я, знаешь ли, не Брюс Уиллис, – загорячился Виталий. – У меня, видишь ли, не запланировано на завтра двенадцать подвигов, включая спасение планеты. И потом, я не желаю связываться с террористами! Только последний идиот и подонок станет снабжать их атомным оружием!

– Тем более сейчас, – поддержала мужа Тамара. – Этот бен Ладен – он же настоящий антихрист, я сама читала. Павел Глоба его сразу раскусил, молодец.

Сергей вздохнул и покачал головой:

– Н-да, клинический случай... Товарищ дежурный, распорядитесь сейчас же, чтобы выслали пять мотоциклов с пулеметами для поимки иностранного консультанта... Ловите же его немедленно, иначе он натворит неописуемых бед!

– погоди. – Виталий наморщил лоб. – Мотоциклы, консультант... Откуда это? Что-то очень знакомое...

– Это бред одного из героев той самой книги, которую ты сегодня так внимательно читал, – пояснил Сергей, – правда, почему-то вверх ногами. – По-моему, глава шестая, сцена в психиатрической лечебнице.

– При чем тут психиатрическая лечебница?

– А при том, что нечего здесь дурдом устраивать! – рявкнул Сергей, раздраженно собирая бумаги, разложенные на столе. – Кто сказал, что боеголовку нужно продать террористам? Это же полный бред! Я что, на шизофреника похож?

Известно, что кошки и женщины злопамятны, но последние все же знают гораздо больше способов расквитаться с обидчиками. Поэтому Тамара, вместо того чтобы разубеждать брата, сладенько улыбнулась и ответила:

– Внешне шизофреники ничем не отличаются от нормальных людей. Симптомы помешательства у них проявляются только в моменты сильного возбуждения. Вот как у тебя сейчас.

Виталий, пряча улыбку, низко наклонил голову и сделал вид, что отряхивает штаны от невидимых крошек. Вскочивший Сергей смотрел на невинно хлопающую глазами сестру и боролся с желанием высказать все, что он о ней думает. Но заговорил он не раньше, чем сосчитал про себя до двадцати. И к этому моменту голос его успел преисполниться ледяного холода.

– Продолжение услышите завтра утром. Подъем в шесть ноль-ноль, так что не затеивайте свою возню хотя бы сегодня. Все, отбой!

– Конечно. – Тамара скромно потупила взор.

– Угу, – буркнул Виталий, успешно справившийся с приступом смеха.

Проследив за его косым взглядом, устремленным на Тамарину грудь, – Сергей махнул рукой и удалился в соседнюю комнату.

Глава 5

Предложение, от которого невозможно отказаться

1

Кадровый сотрудник русского отдела Центрального разведывательного управления США Курт Раймонд Джонс оттолкнулся ногами от пола и проехался в своем крутящемся кресле к монитору компьютера. До этого он вертелся возле стеллажа с видеокассетами, а еще раньше – у кофеварки. Рабочие дни Курта Раймонда Джонса, аккредитованного в Москве в качестве комментатора телекомпании Си-эн-эн, были насыщены до предела.

Что касается чисто профессиональных задач, поставленных перед современным рыцарем плаща и шпаги, то их было не так уж и много. Никто не поручал Курту организовывать съемки на фоне секретных заводов, ему не вменялась в обязанности вербовка российских граждан и создание агентурной сети, он не имел псевдонимов, паролей, легенд, прикрытий, явок и прочих атрибутов, столь необходимых американским разведчикам в прежние времена. Более того, мистер Джонс был лично знаком с несколькими офицерами ФСБ, и эта грозная некогда контора была прекрасно осведомлена о целях его пребывания в столице.

Одна задача, самая главная и первоочередная, состояла в том, что с 9.00 до 17.00 Курт Раймонд Джонс крутился в своем кресле возле компьютера и отслеживал все новости, поступающие на московский веб-сайт Си-эн-эн. Он должен был выискивать среди них любые сообщения, в которых содержался хотя бы малейший намек на угрозу безопасности США, и немедленно информировать о таковых как свое цзэрушное руководство, так и их эфэсбэшных коллег.

«I'm back in the USSR, – пропел Курт Раймонд Джонс. – You don't know how lucky you are, boys».

В смысле он радовался возвращению в СССР, хотя на самом деле никакого Советского Союза давным-давно не было, а настроение у него было не приподнятое и не подавленное – нейтральное, как обычно. Часы показывали половину десятого утра, и время, оставшееся до сорокапятиминутного перерыва на ланч, Курт Раймонд Джонс намеревался провести в соответствии с заведенным распорядком. Просмотр электронных сообщений аборигенов. Отправка короткой весточки на E-mail невесты Молли. Экскурс в любимый порносайт «Горячая клубничка». За семь минут до похода в кафетерий мистер Джонс успевал справить малую сексуальную нужду, выбросить использованную ароматизированную салфетку в специальную урну для уничтожения черновиков и даже вымыть руки.

Его действия всегда отличались четкостью, рациональностью и продуманностью до мелочей. Поэтому, когда Курт Раймонд Джонс выходил из своего офиса и здоровался с коллегой, Патриком Николсоном из оперативного департамента, ладонь его правой руки пахла хорошим земляничным мылом и была слегка влажной. Впрочем, Патрик тоже здоровался влажной рукой. Порносайтов в Интернете развелось великое множество, а американцам, оторванным от невест и жен, было нелегко переносить долгую разлуку с любимыми.

После памятного 11 сентября, когда Нью-Йорк подвергся атаке мусульманских камикадзе, две трети агентов ЦРУ, до тех пор отсиживавшихся на родине, были разосланы во все точки земного шара. Специалистам по Афганистану пришлось в спешном порядке учить пушту и дари, «славяне» с удивлением обнаружили, что Болгария не является сербской провинцией, ну а «русские» запаслись препаратами от сибирской язвы и застраховали свои жизни на возможно солидные суммы.

Курт Раймонд Джонс был лишь одним из десятков тысяч этих бойцов невидимого фронта, но лично он превосходно справлялся со своей миссией в России. «Poshiol nahui», «A mníe poyebat», «Y.P.R.S.T», «curva-bilad» – эти и многие другие обиходные выражения он выучил еще во время перелета из Майами в Москву, пользуясь специальной компьютерной Аудиопрограммой, разработанной специалистами ЦРУ. За месяцы, проведенные в России, его словарный запас значительно расширился, но все равно многие послания в адрес Си-эн-эн ставили его в тупик. Что за «чисто конкретные баксы» такие? «Дикий фраер» – это кто? С каких это пор вдруг водка стала «паленой» и как это ею может «травануться вусмерть»?

Так что сегодня Курт был приятно удивлен тем, что в почтовом электронном ящике обнаружилось письмо на английском языке. Пусть на плохоньком, ломаном, но все же на своем родном, великом и могучем. Если Голливуд и MTV будут продолжать в том же духе, гордо подумал Курт, то через полвека на английском будет изъясняться все человечество. Уже сейчас все эти «yahoo», «wow», «oops» и «mother-fucker» стали для молодежи выражениями интернациональными, а завтра они обучат этому и многому другому своих детей. Так что Великая Американская Мечта не за горами, тут специалисты из Лэнгли абсолютно правы.

Экран монитора услужливо высветил текст, который в глазах американца мистера Джонса выглядел довольно необычно. Мужественно продираясь сквозь лес ошибок, сквозь путаницу деепричастных времен и через дичайшую мешанину спряжений, он прочитал примерно следующее:

ДОРОГОЙ СИ-ЭН-ЭН!

Я ЖЕЛАЮ ОТПРАВЛЕНИЕ КОФФЕДИЦИОНАЛЬНЫЙ ИНФОРМАЦИЯ, В АДРЕС ВАШ. ЭТО СООБЩЕНИЕ О ЯДЕРНОЙ БОМБЕ, ТЕРРОРИСТАМИ ИМЕЕМОЙ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ. БОМБА ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ БЫТЬ ДОСТАВЛЕННОЙ В АМЕРИКУ ДЛЯ ВЗРЫВА. ЕСТЬ БУМАГИ ПО ДЕЛАНИЮ ВСЕХ ТЕХНИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ, ЕСТЬ МЕСТО БОМБЫ, ЕСТЬ ИМЯ ЧЕЛОВЕКА ОТВЕТСТВЕННОГО.

МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЕ БОМБЫ ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕЧНЯ. МАТЕРИАЛЫ МОГУТ БЫТЬ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВАМ В ОБМЕН НА 25 000 ДОЛЛАРОВ США. ПРОТИВНЫЙ СЛУЧАЙ МЫ НЕ СООБЩАТЬ ИНФОРМАЦИЮ НИКТО ДРУГОЙ, ТОГДА ЖЕРТВЫ БУДУТ МНОГИЕ НЕВИНОВНЫЕ ЛЮДИ АМЕРИКИ.

ДЛЯ ВАС ЭТО БУДЕТ ИХ СПАСЕНИЕ. ТАКЖЕ ДЛЯ ВАС ЭТО БУДЕТ СЕНСАЦИЯ, ОКУПАЮЩАЯ ВАШИ ДЕНЬГИ.

ТЕПЕРЬ ЭТО ОБМЕННЫЕ УСЛОВИЯ:

ЗАВТРА ВАШ ЧЕЛОВЕК ПРИБЫВАЕТ СТАНЦИЯ МЕТРО КУРСКАЯ. В 5.00 ЧАСОВ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ ОН НАЧИНАЕТ ПОДЪЕМ ПО ЭСКАЛАТОРУ В ВОКЗАЛЬНОЕ ЗДАНИЕ. ОН ДЕЛАЕТ ПОДЪЕМЫ И СПУСКИ ДО ТЕХ ПОР, КОГДА БУДЕТ ПОДАН ЗНАК.

ВАШ ЧЕЛОВЕК БУДЕТ ДЕРЖАТЬ БУКЕТ ИЗ ОДНОЙ БЕЛОЙ РОЗЫ И ОДНОЙ КРАСНОЙ РОЗЫ. У НЕГО БУДЕТ ЗАГОТОВЛЕН ПАКЕТ С ДЕНЬГАМИ.

НАШ ЧЕЛОВЕК, ДВИГАЯСЬ ПО СОСЕДСКОМУ ЭСКАЛАТОРУ НАВСТРЕЧУ, ВЫНИМАЕТ ИЗ ПАКЕТА БОЛЬШУЮ КОРОБКУ СИГАРЕТ «ВЕРБЛЮД» И ДЕРЖИТ ЭТО ПЕРЕД УРОВНЕМ ГРУДИ. В КОРОБКЕ БУДУТ НЕ 10 ПАЧЕК СИГАРЕТ, НО ВСЕ БУМАГИ ОБ АТОМНОЙ БОМБЕ. ДЕМОНСТРАЦИЯ КОРОБКИ С ВЕРБЛЮДОМ ВНИЗ ГОЛОВОЙ ЯВЛЯЕТСЯ СИГНАЛОМ.

ВАШ ЧЕЛОВЕК СХОДИТ С ЭСКАЛАТОРА, ОЖИДАЯ В СТОРОНЕ ОТ ТОЛПЫ. НАШ ЧЕЛОВЕК, МИМО ПРОХОДЯЩИЙ, БЕРЕТ ПАКЕТ С ДЕНЬГАМИ И ОТДАЕТ КОРОБКУ С БУМАГАМИ. ЭТО ВСЕ В ДВИЖЕНИИ, БЕЗМОЛВНО.

ПРИ ОБМАНЕ, КОГДА ВНЕЗАПНО ДЕНЕГ В ПАКЕТЕ НЕ ОКАЖЕТСЯ, МЫ ИЗВЕСТИМ ТЕРРОРИСТОВ, ЧТО ИХ СЕКРЕТ ВАМ ИЗВЕСТЕН. ТОГДА БОМБА БУДЕТ ПЕРЕМЕЩЕНА, И ВЗРЫВ ПОСЛЕДУЕТ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОТОМ. ЗАМЕТИВ В МЕТРО ПОСТОРОННИХ ЛЮДЕЙ, СЛЕДЯЩИХ, МЫ ПОСТУПИМ ТАК ЖЕ ТОЧНО.

НАДЕЕМСЯ ВЫ БЛАГОРАЗУМНЫ, И МЫ ВМЕСТЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕМ БЕДУ.

УВАЖАЮЩИЙ ВАС КОЕ-КТО.

– Yours sincerely, someone, – задумчиво произнес заключительную фразу Курт Раймонд Джонс. – Uh, uh...

Его миссия в Москве впервые преисполнилась великого смысла, которого ему все это время так недоставало. Разглядывать прелести интернетовских девочек – это одно, а непосредственно принимать участие в борьбе с международным терроризмом – совсем другое.

Подкатившись на своем кресле к телефону, мистер Джонс хорошенько прочистил горло покашливаниями, чтобы голос его звучал так, как и должен звучать у стопроцентного американца, стоящего на страже интересов величайшей державы мира.

В соответствующем департаменте ЦРУ выслушали донесение сотрудника Джонса и, посоветовавшись немного, поручили ему немедленно связаться с ФСБ.

Повторно прочищая горло, Курт Раймонд Джонс подумал, что руководство приняло очень разумное, очень взвешенное решение. Кем бы ни был этот таинственный «someone» – человеком, располагающим «горячей» информацией, или обычным вымогателем – пусть русские сами разбираются со своим соотечественником и ядерным зарядом, расположенным на их территории.

Сделав очередной звонок, мистер Джонс взглянул на часы и, проворно оттолкнувшись ногами от пола, подкатился в кресле к монитору компьютера. У спасителя Америки оставалось в запасе двадцать пять минут – вполне достаточно, чтобы попасть на сайт «Горячая клубничка» и отыскать там свою любимицу: голенькую девочку в папаче с красной звездой. Естественные цвета, отменное качество, позволяющее увеличивать изображение до натурального размера, чтобы разглядывать любой интересующий фрагмент тела в мельчайших подробностях. Тем не менее, в соответствии с выработавшейся привычкой, американец для начала полюбовался общим планом.

На вид девчушке было не больше четырнадцати лет, однако Курт Раймонд Джонс был прекрасно осведомлен о том, что русские дикарки взрослеют очень рано, так что его совесть была, как всегда, кристально чиста.

Даже в тот момент, когда он отправлял изгаженную салфетку в контейнер для уничтожения мусора, а его лицо все еще багровело от прилившей крови.

2

Час спустя, когда сотрудники ФСБ прибыли в «Интернет-кафе» на Таганке, откуда было отправлено подозрительное сообщение, отправителей подозрительного сообщения там уже и след простыл. Опросив сотрудников, оперативники без особого труда выяснили, что этим утром за «засветившимся» сетевым компьютером номер шестнадцать работали два молодых человека, состоявшие, по всей видимости, в дружеских отношениях. Наиболее подробное их описание сумела дать кассир Лилия Ивановна Ивашечкина, к которой искомые посетители сидели вполоборота, на расстоянии трех метров.

По ее мнению, лидировал в паре темноволосый парень лет 28–30, в черной рубаше и голубых джинсах. Неулыбчивый, довольно высокий и широкоплечий, часто куривший и явно руководивший действиями своего младшего товарища. Тот, второй, носил широкие лиловые брюки, светлые волосы, расчесанные на прямой пробор, и набирал текст вполне профессионально – обеими руками, хотя с частыми остановками, потому что, как предположила наблюдательная кассирша, не привык пользоваться латинским алфавитом. Но иностранным языком он владел вполне прилично, потому что обходился без услуг переводческой машины.

Так оно и было.

– Я английский почти в совершенстве знаю, – хвалился Виталий, угощаясь теплыми рогалями с таким же теплым кофе. – Так что американцы нас правильно поняли, можешь не сомневаться, шурин.

– Будем надеяться, – ответил Сергей, флегматично наблюдая за дымком, струящимся от его сигареты.

Они сидели за столиком уличного кафе в конце Гоголевского бульвара и наслаждались покоем. Растрепанный мужчина, по виду мелкий бизнесмен, хлещущий из баночек то слабо-алкогольный ром с колой, то коку с водкой, – вот и вся компания. Да еще отирался в отдалении жирный кот, интересующийся беседой заговорщиков не больше чем похмельный предприниматель.

Солнце светило вовсю, проезжавшие мимо машины отсвечивали свежевывмытыми боками, майская листва еще не успела посереть от смога.

– Эх, хорошо! – воскликнул Виталий. – Может, по сто пятьдесят коньячку, шурин?

– Рано, – возразил Сергей.

– Как же рано, если уже скоро одиннадцать?

– Рано победу праздновать. Выпьем, если дельце выгорит.

– Выгорит, – убежденно сказал Виталий. – Ты с американцами это здорово придумал, я просто балдею. Они ведь патриоты все поголовно, янки, а двадцать пять штук для них – не сумма. После того как им талибанцы дали просрать, у них там повышенная боеготовность и всеобщая бдительность, как у нас во времена «холодной войны». Если не телевизионщики денежки выложат, то спецслужбы раскошелятся, рупь за сто. Поведутся янки, обязательно поведутся!

– Думаю, да, – кивнул Сергей. – Ну и флаг им в руки. Мы спишем с себя долг, а спецслужбы обезвредят боеголовку в Чечне. Всем польза.

– Лишь бы американцы нам какую-нибудь подлянку не подстроили, – внезапно озабочился Виталий. – А вдруг они примут нас за обычных вымогателей и в нашу лубянскую «контору» наступят? Тогда мы не денежки получим, а сроки.

– Не волнуйся. Я предусмотрел эту возможность.

– Хочешь сказать, что в метро нас не вычислят?

– Тебе когда-нибудь доводилось бывать на «Курской» в пять часов вечера? Если да, то не задавай глупых вопросов.

– Вообще-то да, там в час пик такое столпотворение, что попробуй за каждым уследи. Мы ведь блок сигарет можем вытащить, а можем и нет. – Виталий заулыбался. – А их человек с цветочками будет как на ладони. Кстати, что за странный выбор букетика, шурин? Странная какая-то икебана получается.

Сергей пожал плечами:

– Четное количество цветов только покойникам покупают, и уж никак не две разноцветные розочки. При таком раскладе мы американца ни с кем другим не перепутаем.

– Точно! – от избытка чувств Виталий отхватил сразу половину рогалика, после чего его речь сделалась не слишком внятной. – Какой дурак станет просто так по Москве шляться с белым и красным цветочком? Слушай, шурин, твою идею нужно на поток поставить. Сбавим эти документы, а потом сварганим другие. Можно мультку запустить про секретное убежище террориста номер один, а можно лабораторию по изготовлению спор сибирской язвы придумать...

– Нет, – твердо сказал Сергей. – Пусть кидоловом занимаются всякие Жени и им подобные, а у нас с тобой, родственник, предназначение иное.

– Высокое? – саркастически осклабился Виталий.

– Во всяком случае, до Жениного уровня я опускаться не собираюсь. Кстати, самое время его навестить.

– Зачем?

– Ну уж не для обмена опытом.

– Звездюлей ему навешаем?

Сергей окинул скептическим взглядом фигуру родственника и покачал головой:

– В этом пока нет никакой необходимости. Успеется.

– Ну вот, опять успеется, – разочарованно проворчал Виталий. – Коньяку нельзя, в пятак этой гниде зарядить тоже нельзя... Что же тогда можно-то, а? Жизнь ведь проходит.

– Всему свое время. – Сергей встал и махнул официантке, отсиживавшейся в дальнем конце кафе с таким видом, словно сегодня ей пришлось обслужить не менее сотни самых привередливых посетителей.

Рассчитавшись, они зашагали к метро, причем Сергей шел такой размашистой походкой, что у едва поспевавшего за ним Виталия моментально закололо в бок.

– Погоди, – прохрипел он. – Куда спешить? Женя небось давно на промысел вышел, дома его нет.

– Такие типы к одиннадцати утра только глаза продирать начинают, – ответил Сергей, не сбавляя скорость.

Скособочившийся Виталий забежал вперед и с надеждой предложил:

– Тогда, может, сначала домой наведемся? Перекусим, Женин адресок уточним.

– Если Тамара ничего не напутала, то адрес я помню, – сухо ответил Сергей, легко отстраняя спутника с пути.

– Ладно, – пропыхтел Виталий, возобновивший свою неуклюжую рысь, – уговорил. Только я не марафонец, прошу учесть.

– Это заметно. Что, селезенка ни к черту?

– Наверное.

– Вот жирок и растрясешь немного, – безжалостно произнес Сергей, продолжая шагать вперед походкой неумолимого робота.

– У меня нет ни грамма лишнего веса, между прочим!

– Тогда чего ты стонешь?

– Я не стоню... тьфу, не стою... Я, пых-пых, просто взываю к твоему здравому смыслу.

– Здравый смысл мне на войне отшибло, – бросил через плечо Сергей. – Напрочь.

Перевести дух Виталию удалось не раньше, чем они ступили на ленту эскалатора. К его счастью, в проходе скопилось слишком много народу, чтобы ускорять спуск за счет собственных ног.

– А на кой, пых-пых, нам вообще сдался этот Евгений Онегин? – спросил Виталий, встревоженный перспективами дальнейшего путешествия с неугомонным шурином. – Что ты задумал?

Сергей смерил взглядом обращенные к нему затылки, оглянулся на тараторящую позади кучку молдаван и только после этого негромко объяснил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.